

1945 год № 9—10

Снайперы младшие сержанты О. Мокшина и Е. Новикова. Каждая из них уничтожила по нескольку десятков немцев.

Фото Г. Белянина

НА ОБЛОЖКЕ: „Папе на фронт". Отец Валерика Дьяченко на фронте с первых дней войны. Каждое письмо отцу Валерик отправляет сам. Фото О. Пожарского (Ставрополь).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

23-й ГОД ИЗДАНИЯ

Огонёк

№ 9—10 (928—929)

Суббота, 10 марта 1945 года

С ВОСТОКА И С ЗАПАДА

На территории Померании наши войска одержали блестящую победу над врагом. Прорвав сильно укреплённую оборону немцев и выйдя широким фронтом к побережью Балтийского моря, они отрезали крупную группировку войск противника в Восточной Померании от его основных сил. Занято свыше 30 городов и сотни населённых пунктов, захвачены много пленных и большие трофеи.

На Штеттинском направлении наши войска продолжали бои по очищению от противника восточного берега реки Одер и подошли к городу Альтдамм, прикрывающему Штеттин с востока.

В Польше после двухнедельной осады и упорных боёв наши войска завершили 6 марта разгром окружённой немецкой группировки в крепости Грудзяндз (Грауденц). Взято в плен более 5 тысяч пленных во главе с комендантом крепости генерал-майором Фрикке и его штабом.

На Данцигском направлении от немцев очищены города Гнев (Меве), Старогард (Прейсиш Старгард), Бытув (Бютов), Косьцежина (Берент) и многие сотни населённых пунктов. Части Красной Армии подошли 8 марта на расстояние в 20 километров от Данцига.

В Чехословакии, в полосе Карпат, советские войска, громя вражеские гарнизоны, овладели к западу от города Лученец несколькими десятками населённых пунктов и вышли на ближние подступы к городу Банска-Штявница.

На Западном фронте союзные войска, продолжая наступление, очистили от противника значительную часть немецкой территории на западном берегу Рейна. Союзниками заняты десятки городов, в том числе Мюнхен-Гладбах, Крефельд, Прюм, Трир.

6 марта союзные войска вступили в Кёльн.

Правительство США разослало от своего имени, а также от имени правительств Великобритании, СССР и Китая приглашения 40 странам — прислать своих представителей на открывающуюся 25 апреля конференцию в Сан-Франциско, которая подготовит устав Всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности.

В Югославии сформирован регентский совет в составе Миндича, Сернеца и Будисавлевича. Формирование правительства Югославии поручено маршалу Тито.

В Румынии создано правительство концентрации демократических сил во главе с доктором Петре Гроза.

В Софии состоялся славянский митинг с участием представителей от СССР, Югославии, Чехословакии, Польши, Болгарии.

(См. в номере «Дневник войны»)

ПОБЕДА В ПОМЕРАНИИ

Гитлеровское командование подготавливало крупное наступление в Померании на фланге наших войск. Немцы сосредоточили здесь наиболее отборные эсэсовские дивизии, много танков и артиллерии. Войска маршалов Советского Союза Жукова и Рокоссовского предупредили противника, сами перешли в наступление и нанесли немцам уничтожающее поражение. Войска обоих фронтов вышли к побережью Балтийского моря в районе Кёзлин — Кольберг. Немецкие дивизии в восточной части Померании разгромлены. Войска маршала Жукова развивают успешное наступление на Штеттинском направлении, на широком фронте выходя к нижнему течению Одера. Большую роль в разгроме немецких дивизий сыграли наши подвижные части. На фото: колонна бронетранспортёров на марше.

Фото Е. Копыта (ТАСС)

ДЕЛА И ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Гвардии майор Евдокия Никулина за годы войны совершила более 600 боевых вылетов и сбросила на врага 120 тысяч килограммов бомб. Ей присвоено звание Героя Советского Союза. До войны тов. Никулина работала в Смоленске лётчиком Гражданского воздушного флота.

Разведчики гвардии сержанты Владимир Макаров и Григорий Коваленко 48 раз ходили в тыл врага. Они истребили свыше 300 немецких солдат и офицеров и 169 гитлеровцев взяли в плен.

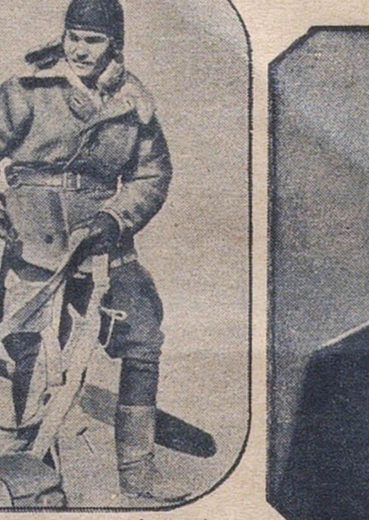

Лилия Анисимова — отличный снайпер. С первых дней войны она пошла добровольцем во флот. Изучив снайперское дело, она сражалась в составе морской пехоты. На счету гвардии главстаршины Анисимовой более 50 убитых немцев. Она награждена орденом Отечественной войны и четырьмя боевыми медалями.

Участница обороны Сталинграда связистка Зоя Орлова отличилась в боях за Познань. Награждена медалью «За отвагу».

Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант М. Гулькин (слева) и гвардии майор А. Кожевников сражаются на 1-м Украинском фронте. Тов. Гулькин около двухсот раз водил свой самолёт в тыл врага; он уничтожил 16 немецких танков, 30 автомашин и до 1500 немцев. Майор Кожевников совершил 200 боевых вылетов; лично сбил 20 вражеских самолётов и в групповых боях — ещё 9 машин.

Знатная стахановка железнодорожного транспорта — Герой Социалистического труда машинист Е. М. Чухнюк.

Звеньевая колхоза имени Ленина (Самаркандская область) Таджихон Хусаинова недавно награждена третьей правительственной наградой — орденом Ленина.

Бригадир-полевод колхоза имени Молотова, Ясеновского района, Курской области, Ксения Желткова. Бригада, которой она руководит, собрала в среднем по 13 центнеров пшеницы с гектара.

Мать-героиня Телекей Усубекова из колхоза «Ак Дюбе», Джеты-Огузовского района, Киргизской ССР. Она воспитала тринадцать детей.

Передовая стахановка Рижского электротехнического завода Велта Римша. Она выполняет дневную норму на 180%.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Л. Волынский

10 марта 1945 года

У ВОРОТ ШТЕТТИНА

Март начался с новых поражений немцев, нанесённых им войсками 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Прорвав сильно укреплённую оборону противника в северной Померании, наши армии продвинулись на 100 с лишним километров и широким фронтом вышли на взморье. Красная Армия приблизилась к Штеттину и заняла восточный берег Штеттинского залива. Под ударом крупнейший немецкий порт на Балтийском море.

Гитлеровское командование явно переоценило свои силы и возможности, попытавшись держать в северной Померании под угрозой правый фланг Красной Армии. Здесь, на широкой, протяжением в несколько сот километров, прибрежной полосе, в третий раз подтвердилось доказанное всем ходом войны неизмеримое превосходство сталинской стратегии и Красной Армии над топорными планами и многократно битыми войсками противника. И трижды получался неизменный результат: вражеские группировки оказывались отрезанными от своих главных сил и попадали в «котёл».

Первый «случай» произошёл с немецкой группировкой, застрявшей в северозападном углу Прибалтики, которому предназначено стать могилой для десятков гитлеровских дивизий. Второй «котёл» — восточнопрусский — обошёлся дорого обложенным со всех сторон крупным немецко-фашистским силам; они истекают кровью на крохотном клочке земли, составляющем ныне менее одной десятой части Восточной Пруссии. В третьем, вновь образовавшемся померанском «котле» площадью свыше 15 тысяч квадратных километров зажато изрядное количество гитлеровских дивизий.

После прорыва Красной Армией немецкой обороны в северной Померании рухнули также планы гитлеровских генералов на более или менее длительную оборону Данцига. Свою долю убытков несут и гитлеровские адмиралы: им приходится списывать в расход многочисленные порты и военно-морские базы, уже занятые нашими войсками либо находящиеся накануне близкого падения. Взгляните на карту: как укоротилось вследствие побед Красной Армии морское побережье, которым пока ещё располагает гитлеровская Германия! В оставшихся же портах и базах немецкие корабли не могут чувствовать себя в безопасности. Они находятся в катастрофически коротком для них радиусе действий нашей и союзной авиации.

Победы первых мартовских дней резко изменили очертания советско-германского фронта. Он представляет собой теперь в значительной своей части почти прямую линию, которая тянется от подступов к Саксонии до Штеттинского залива. Впереди, не на столь отдалённом расстоянии — немецкая провинция Мекленбург.

В связи с приближением наших войск к столице Померании, хочется напомнить, что Штеттин, Кольберг и другие померанские города не впервые видят победоносные русские полки. В Северную войну, сентябрьским утром 1713 года, Меншиков рапортовал Петру I о вступлении своих отрядов в Штеттин, находившийся тогда в руках шведов. Почти полвека спустя, в декабре 1761 года, войска Румянцева овладели после трёхмесячной осады Кольбергом, тогдашней сильной немецкой крепостью. Принц Вюртембергский, пытавшийся выручить гарнизон Кольберга, был обращён в бегство русскими войсками, на помощь которым прибыли десантные части, доставленные на кораблях флотилии адмирала Мишукова.

К тому, что раньше было сказано об изолированных от главных немецких сил группировках, подвергающихся уничтожению в «котлах» Прибалтики, Восточной Пруссии и Померании, нужно прибавить безнадёжное положение крупных немецких гарнизонов, обречённых на ликвидацию в осаждённых городах Глогау и Бреслау. Несколько дней назад гауляйтер Бреслау произнёс по радио напыщенную речь, выражая уверенность в том, что город продержится «до конца». Это фашистское обещание звучит в достаточной мере двусмысленно и беспомощно. Судя по сводкам, поступающим из-под Бреслау, конец, и близкий к тому же, не заставит себя долго ждать, по примеру Будапешта, Познани, Грудзянза (Грауденца) и многих других городов.

Красная Армия держит противника в непрерывном напряжении, наносит ему удары в направлениях по своему выбору, перемалывает подбрасываемые им резервы. Её всесокрушающий меч занесён над Берлином.

НА РЕЙНЕ

«Войну выигрывают остатками», — как-то сказал маршал Фош, командовавший союзными войсками в конце первой мировой войны и доведший дело до капитуляции кайзеровской Германии в 1918 году.

Это изречение в обратном смысле применимо к обстановке, создавшейся сейчас для немцев и на Западном фронте. Гитлеровскому командованию приходится здесь иметь дело с крупнейшими силами союзников. Против немцев действует восемь союзных армий: 1-я канадская, 2-я английская, 1-я, 3-я, 7-я, 9-я и 15-я (только что вступившая в действие) американские армии, 1-я французская армия. Им немцы в состоянии противопоставить лишь остатки своих войск, основная масса которых попрежнему скована на Востоке.

В БЕРЛИНСКОМ БОМБОУБЕЖИЩЕ

Гитлер: Эх, Геббельс, если бы только они разрешили мне вернуться к старому малярному ремеслу...

«Сопротивление немцев на реке Рёр, — пишет английский военный обозреватель Фоллс, — оказалось слабее, чем полагали, и пока что наше равномерное и безостановочное наступление продолжается».

Объясняя причину слабого сопротивления врага, Фоллс говорит о нехватке резервов у Рундштедта, вследствие чего последний не в состоянии справиться с задачами эффективной и длительной обороны. «Враг, — пишет обозреватель, — находится в тяжёлом положении, так как опасность для него на Восточном фронте не уменьшилась, а наряду с этим началось мощное наступление на Западном фронте с перспективой значительного усиления наступательных действий в ближайшее время».

По английским данным, одними пленными немцы потеряли за первые десять дней наступления союзных армий, начавшегося 23 февраля, 50 тысяч солдат и офицеров. Войска союзников ведут наступление в нескольких направлениях. На северном фланге, заняв города Гох, Крефельд, Клеве, Нейсс и Калькар, входящие в систему «линии Зигфрида», они оттеснили противника за Рейн. Южнее американские войска держат под артиллерийским обстрелом расположенный на восточном берегу реки город Дюссельдорф — один из крупнейших железнодорожных узлов Германии, резиденцию немецких «королей» металлургии, в особенности трубопрокатного дела (Дюссельдорф занимал до войны первое место в мире в этой отрасли). Ещё южнее, прорвав на нескольких участках «линию Зигфрида», американцы, заняв Дюрен и ряд других городов на восточном берегу реки Рёр, вступили в Кёльн, четвёртый (после Берлина, Гамбурга и Мюнхена) по численности населения город Германии (768 тысяч жителей). К востоку от границ Бельгии и Люксембурга с Германией союзники заняли города Трир, Прюм, вступили в Бонн и Годесберг, подошли к Кобленцу. Южнее Бонна они форсировали Рейн и создали плацдарм на его восточном берегу. Трир, расположенный на важнейших железнодорожных линиях, ведущих из Рурской области в Саарскую и на восточный берег Рейна, имеет также большое культурное и историческое значение: здесь 5 мая 1818 года родился Карл Маркс.

За первые мартовские дни воздушные силы союзников подвергли интенсивной бомбардировке вражеские военные объекты в 26 городах, главным образом в Центральной Германии. День за днём совершались рейды авиации на Берлин, зачастую носившие массированный характер.

«ПРЕДСМЕРТНАЯ ОБОРОНА»

Так определяет американская радиовещательная станция в Европе политику и стратегию гитлеровской банды, старающейся отсрочить неминуемый разгром Германии.

Расстояние между частями Красной Армии, сражающимися на Берлинском направлении, и войсками союзников, вышедшими на Рейн, стало короче ещё на несколько десятков километров. Потери гитлеровских войск огромны, невозместимы и растут с каждым новым их поражением. Продовольственная и сырьевая базы Германии сократились до крайности, утрачены основные военно-промышленные области. Что осталось от Силезии, важнейшей кузницы немецкого вооружения? Значительная часть этой провинции занята Красной Армией, остальные районы расположены на линии фронта. О сколько-нибудь серьёзной производительной работе предприятий Рейнской области и говорить не приходится: она частично уже занята союзниками, частично стала театром военных действий и вся в целом находится под беспрестанным воздействием союзных воздушных армад. Все жизненные центры Германии под ударом. Нет ни одного угла в «фатерлянде», который стоял бы вне досягаемости бомбардировочной авиации. От неё не укрылся и затерянный в горах Берхтесгаден, логово «фюрера», познавшее недавно — впервые за войну — разрушительное действие фугасных бомб.

Никогда ещё не было с такой ослепительной ясностью очевидно, что сопротивление обречённой Германии безнадёжно. Если немцы начали войну для завоевания «жизненного пространства», то сейчас всё дело сводится к тому, чтобы продлить недели и месяцы, отделяющие Гитлера и прочих военных преступников от встречи с ожидающей их петлёй.

В те часы, когда население Берлина выползает из бомбоубежищ, пока ещё уцелевших и не засыпанных обломками обрушившихся зданий, его выгоняют на постройку баррикад и на упражнения по метанию ручных гранат. Гиммлер мечется из Берлина в Штеттин, сочетая расправу с «паникёрами» и руководство по сооружению противотанковых препятствий. Словно помогли немцам их «неприступные валы» и «линии» с пышными названиями, их сложнейшие оборонительные системы в Восточной Пруссии и Померании!

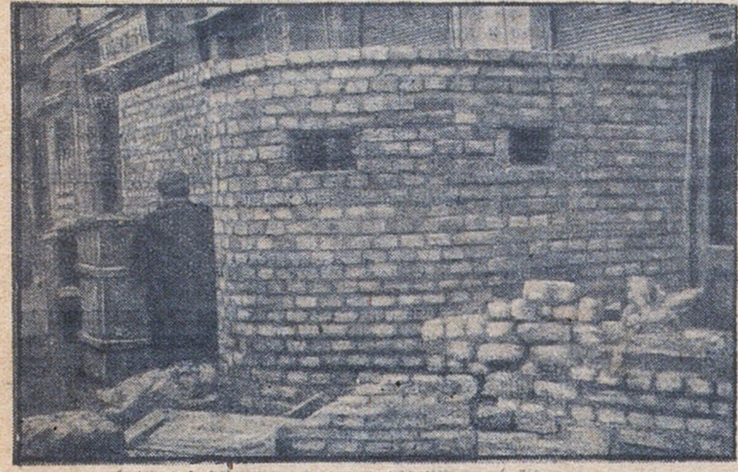
Геббельс заклинает своих соотечественников держаться, но от прежнего фашистского бахвальства не осталось и следа. В сводках гитлеровского командования появилась новая фраза, сменившая былые словечки об «эластичной обороне» и «добровольном сокращении фронта». Теперь в ходу у врага жалкий термин, на котором лежит отпечаток поражений 1945 года: «Вклинения противника в наши позиции избежать не удалось».

Слов нет, немецкие фашисты будут сопротивляться с возрастающим предсмертным бешенством, пуская в ход самые изощрённые и коварные приёмы, на которые только способна их садистская фантазия. Тем сильнее должны быть наши удары по врагу для достижения уже близкой, полной победы.

НА ПОДСТУПАХ К БЕРЛИНУ

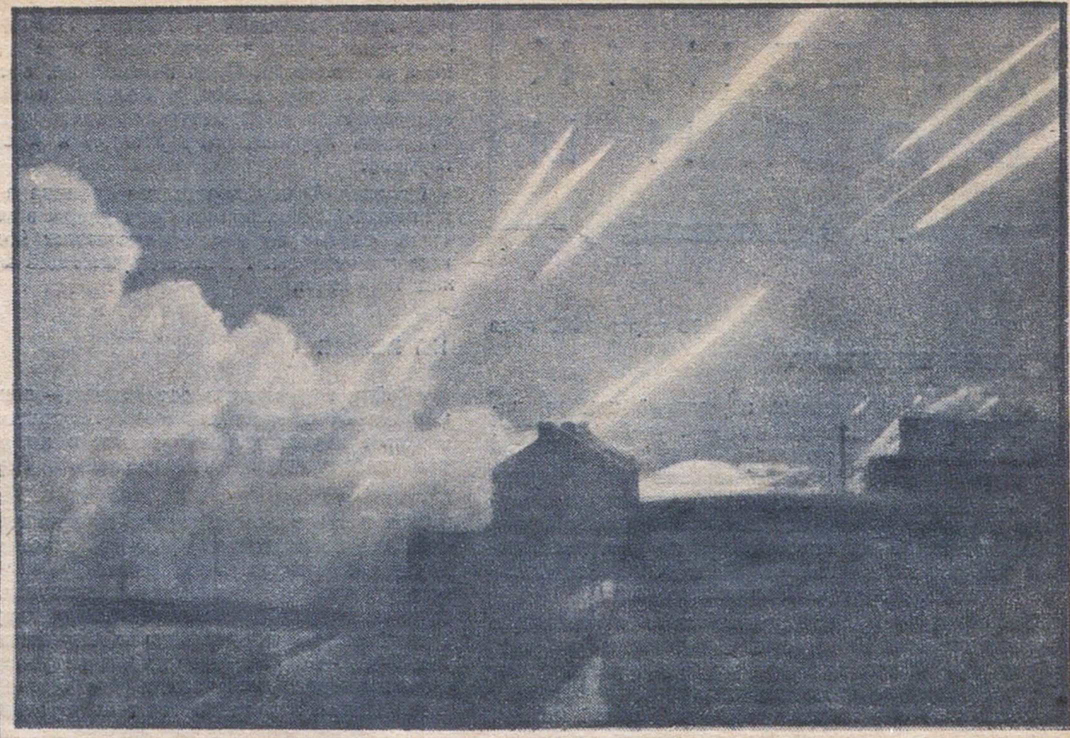
Фото П. Жуковского, Е. Копыта, Р. Мазелева и Г. Омельчука (ТАСС)

На германской территории продолжаются жестокие бои. Наши войска, одержав крупные победы в Померании, Силезии, Бранденбурге и в Восточной Пруссии, грозной силой нависли над Берлином. Столица фашистской Германии лихорадочно готовится к обороне, но ей всё равно не устоять перед грядущим натиском победоносных советских армий. Фашистский Берлин должен пасть и падёт к ногам наших воинов.

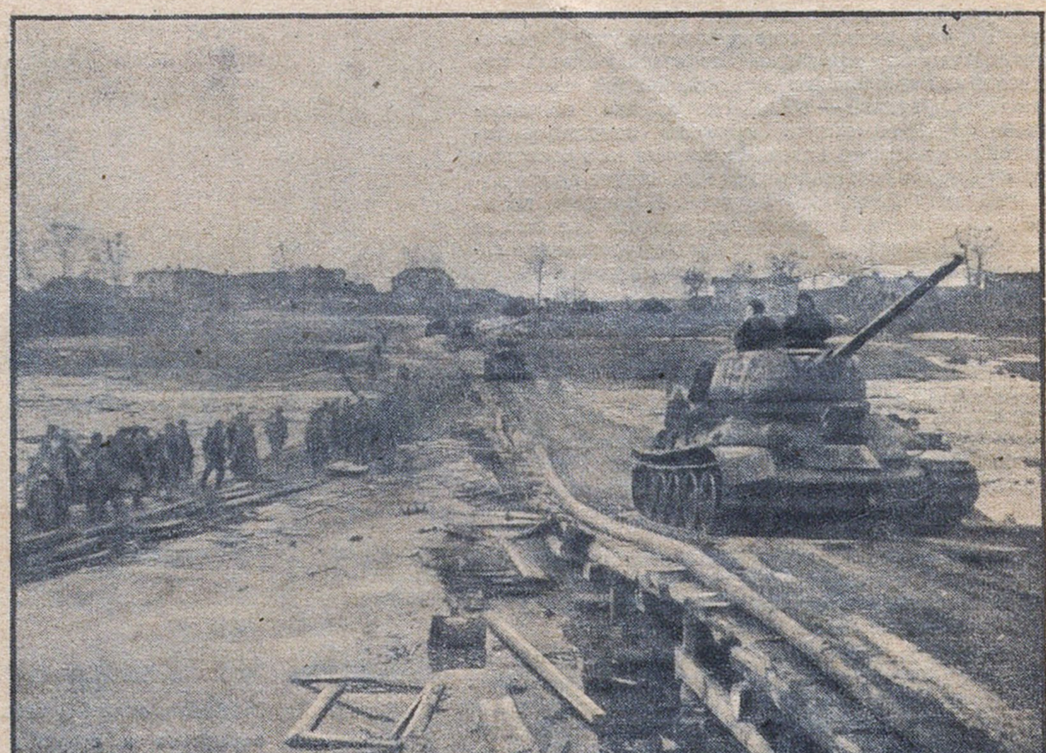

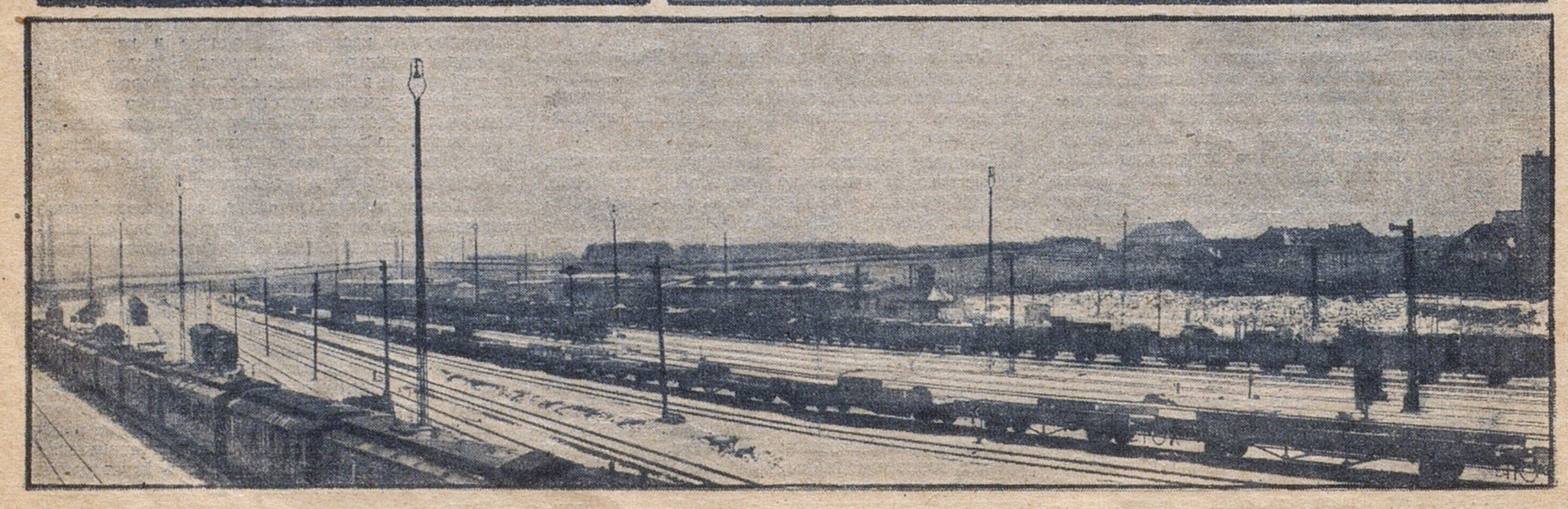
Каждый свой город, местечко, населённый пункт немцы превращают в крепость. На верхнем снимке вы видите одну из многих огневых точек, построенных на улицах немецкого города, захваченного войсками 1-го Украинского фронта. На стенах домов, на витринах магазинов фашисты развесили плакаты, призывающие жителей к молчанию. «Молчи!» — гласит плакат, вывешенный на дверях магазина в городе Мезеритц, Бранденбургской провинции (снимок внизу).

На верхнем снимке: гвардейские миномёты ведут огонь на уничтожение окружённой группировки немцев. На нижнем снимке: советские танки переправляются через Одер.

Железнодорожные составы, захваченные нашими войсками на одной из станций в Силезии.

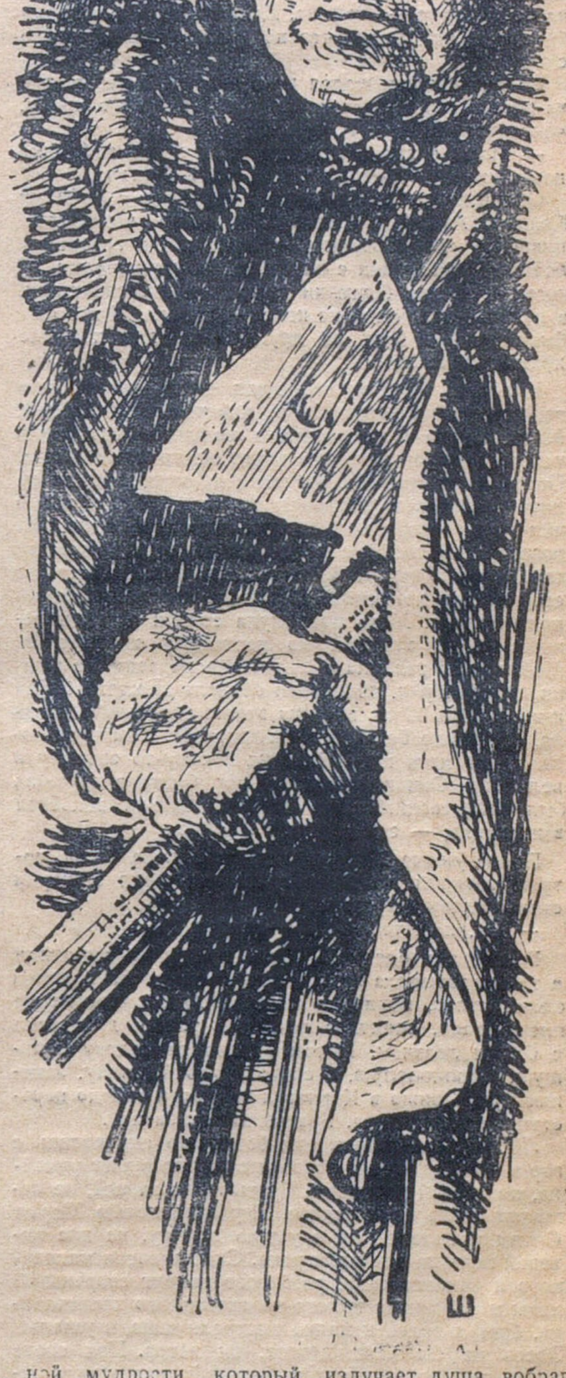

МАТЬ СЛАВЯНСКИХ БРАТЬЕВ

А. Авдеенко

Рассказ

Рисунок А. Шульца

В Карпатах, на берегу кляузуры Чарнеоко (искусственное озеро, посредством которого в горах Чехословакии улавливают дождевые потоки и регулируют спуск воды в долину), в одинокой хижине, почерневшей от туманов и дождей, жила-была старая Мария Симак — жена надсмотрщика кляузуры Андрея Симака, давно сложившего кости за людскую правду,— мать Василя, по слухам, тоже погибшего за правду, но живого и долгожданного для матери.

Все злые ветры обдували бедную хижину. День и ночь доносился сюда гул горных ручьёв, ибо в это время, осенью, дождь в Карпатах почти не прекращался. От хижины в долину спускалась только одна тропа. По ней никто не ходил, и её почти смыли дожди.

В день, когда неожиданно кончилось одиночество старой Марии, она, управившись по хозяйству, как и всегда в последние годы, одиноко сидела в полутёмной от осенней непогоды хате, вязала грубую шерстяную фуфайку. По стёклам шуршал мелкий, неторопливый дождь. Шумели ручьи, вливающиеся в кляузуру, зелёно-ржавые горы поднимались снизу, пепельные дождевые горы спускались с неба. Срастаясь вершинами, они закрывали мир. Царствовали полусумерки, хотя был только полдень. Мать вязала и думала о том, как тяжко в такую погоду Василю. Самый неприветливый кустик заменяет ему дом, а ветви сосны и ели, прелые листья — постель. Вот вернётся домой, так она день и ночь будет поддерживать для него огонь в печке, отогреет за все холодные годы.

С улицы сквозь шум ветра и шорох дождя донёсся свист, каким пастухи перекликаются друг с другом. Мария Симак бросила вязанье и выскочила на крылечко. Ни во дворе, ни на берегах кляузуры никого не было. Вдруг, будто с низко висящей дождевой тучи, к ногам матери что-то упало. Она с удивлением и тревогой посмотрела на острый, шероховатый, облепленный глиной камень, лежащий среди гладких, отшлифованных голышей. Подняла голову к небу, потом медленно повернула её к зелёно-ржавой омытой дождями горе, вершина которой пропадала в облаках. Буковый кустарник, растущий у края двора, на берегу кляузуры, покачнулся, и с него посыпались брызги. Между ветвями Мария увидела улыбающееся лицо с чёрными бровями и чёрными усами. Сильно забилось сердце и задрожали ноги. Кто это? Это не сын. Василь беловолосый, белобровый.

Человек из кустов подавал руками какие-то знаки. Мать скорее догадалась об их значении, чем поняла. Она тоже знаками ответила, что немцев в её доме нет. Человек вышел из кустов. Нет, он совсем не похож на Василя — на две головы выше его, широкоплечий. Одет в обычную карпатскую кожушану, вывернутую наружу шерстью. Шаровары стянуты на щиколотке и заправлены в кожаные размякшие от дождей постолы. В руках человек держал автомат, из-под распахнутой куртки виднелся поясной ремень, увешанный гранатами. Пока он приближался, оставляя на земле приусадебного огорода глубокие следы, Мария Симак смотрела на него с радостью и благодарностью. Он принёс с собой то, что уже начинало медленно угасать в матери, — надежду.

По тому, как нескладно на человеке была прилажена одежда, Мария поняла, что он не житель гор, не словак. Однако в его улыбке, в открытом и честном взгляде было что-то родное, милое, сразу покорившее сердце матери. Незнакомец подошёл, снял помятую чёрную шляпу, поздоровался. Говорил он не по-словацки, но Мария его хорошо понимала. Наверное, украинец или белорусс. На его лбу был свежий, плохо зарубцевавшийся шрам.

Мать пригласила человека в дом. Прежде чем войти, он сделал какой-то знак рукой:

— Я не один пожаловал к тебе, а со своими братьями.

Из кустарника на берегу кляузуры один за одним вышли люди, одетые по-местному — в чёрных шляпах, вывернутых наружу шерстью кожушанах, обутые в постолы. У каждого были автомат и гранаты. Пропустив Марию Симак вперёд, они все вошли в дом. Человек со шрамом на лбу поставил в углу автомат, обнял мать и поцеловал её в губы:

— Мать, тебя обнимаю и целую я и твой сын. Я друг Василя Симака. Умирая, он просил, чтобы я нашёл тебя, обнял, поцеловал.

Незнакомец умолк, ожидая слёз матери, причитаний. Не заплакала. Она стояла посреди комнаты, опустив большие, тёмные, морщинистые руки вдоль бёдер, и, не мигая, смотрела прямо в глаза человеку, принёсшему горькую весть.

Мария приняла на раскрытую ладонь серебряное кольцо с узорчатой чернью, поцеловала его и заплакала. Не домом своим, не тем, что было в нём, держалась мать на земле, а жизнью сына. Теперь, когда он погиб, память о нём была для неё дороже всего на свете.

— Я пойду с вами,— сказала она братьям.— Василь прислал знак — отцовский перстень.

— Никуда тебе не надо уходить. Мы к тебе сами пришли. Здесь будем дожидаться Красной Армии. Конечно, сложа руки сидеть не будем. Сегодня ночью мы нагрянем на немцев. Если хочешь, пойдёшь с нами за проводника.

— Хочу.

— Ну, а теперь давай познакомимся. Меня зовут Кондратом, я белорусс. А вот этот — поляк Казимир, вот русский Иван, вот словак Стефан, чех Ян, болгарин Георг, украинец Остап. Наш отряд называется «Славянские братья». Командиром был твой сын, а теперь я. Мы поклялись навеки стоять друг за друга в беде, а счастье переливать друг в друга.

Мария расцеловала каждого. Ничего не сказала, но все поняли, что с этой минуты она усыновила славянских братьев.

Все молча, скорбно и в то же время радостно смотрели на Марию Симак, старенькую, чуть сгорбленную. Наверное, каждый из них угадывал в ней родные и любимые черты. Глаза матери были наполнены тем светом сурового спокойствия и скорбной мудрости, который излучает душа, вобравшая в себя через край то, чем горька и несправедлива жизнь. Лицо Марии было морщинисто, выдублено горными ветрами и горным солнцем. На нём лежала ясная печать полувековой в повседневных трудах и тревогах прожитой жизни. Веяло от него бесстрашием и правдой. На её шее между двумя глубокими поперечными морщинами висели деревянные, искусно выточенные и потемневшие от времени бусы.

Мария Симак обошла всех братьев, взяла их кожушаны и повесила на жердь, под потолок, для просушки. Братья покорно, как маленькие дети, подчинялись её заботам.

Сумерки с дождём и ветром подступили с гор.

В хате потемнело. Мать завесила окна тряпьём, зажгла лучину, подпалила дрова в печке, поставила на огонь один горшок с молоком, другой — с картофелем. Братья расселись вокруг жарко пылающего очага, отогревая окоченевшие на карпатских ветрах и дождях руки и ноги, вбирая в свои глаза свет материнской ласки.

Мария вязала фуфайку, а Кондрат медленно и тихо, под вой ветра и шорох дождя, рассказывал всё, что знал о Василии Симаке. Скупые слёзы струились по морщинам матери, падали на тёмные руки, торопливо довязывающие фуфайку. И хотя глаза её были наполнены слезами, всё же их взгляд был умиротворённым, почти счастливым. Он часто и подолгу останавливался то на чехе Яне, окутанном дымом своей фарфоровой с длинным деревянным чубуком трубки, то на белых и влажных кудрях, от которых шёл пар, поляка Казимира, то на чёрных, сросшихся на переносице бровях украинца Остапа, то на свежем шраме белорусса Кондрата, то на тёмном, скуластом лице болгарина Георга, то на суровых, закушенных острыми белыми зубами губах Ивана, то на молчаливом и печальном словацком юноше с золотистым пушком на подбородке — Стефане. Должно быть, в каждом брате она видела то, что потеряла,— черты своего сына.

Во дворе послышался шорох камней, чья-то рука осторожно постучала в окно. Кондрат вскочил, виновато улыбнулся Марии:

— Мать, я забыл предупредить, что к тебе ещё пожалуют гости. Это пришли наши братья.

Он вышел и через минуту вернулся с бойцами Красной Армии, в стёганых ватниках, прикрытых плащами, потемневшими от дождя. На головах у бойцов были шапки с опущенными наушниками, на ногах — горные башмаки с шипами и застёжками, в руках — автоматы, на поясе—гранаты. И все они были похожи друг на друга и на тех, которые пришли раньше.

Кондрат коротко рассказал вновь пришедшим то, что знал о Марии, и то, что чувствовал в ней. Мать обняла и расцеловала каждого бойца, для каждого нашла в тесном кругу место около очага. Огонь с одинаковой щедростью отражался и на лицах бойцов и на лицах партизан. Пока они о чём-то переговаривались, мать готовила ужин. Она разрезала большой с поджаренной коркой каравай хлеба, разделила его на равные куски, накрыла стол чистой холстиной. Сварился картофель, вскипело молоко. Мать подвинула стол к огню, положила перед каждым по нескольку картофелин. Молоко она разлила в маленькие деревянные чашки, почти чарки, поочереди обнесла каждого бойца и партизана. И то, как она это торжественно делала, заставило братьев переглянуться. Они чувствовали, что мать приобщает их к чему-то святому и великому. Они пили молоко так, будто в кружках был таинственный сок, который навеки вольётся в их кровь, — сок любви и братства.

После ужина Кондрат поднялся из-за стола, потуже затянул ремень с гранатами, снял с жерди свою меховую куртку.

— Ну, кажется, пора! — сказал он.

Все молча оделись. Мать прикрыла задвижку в трубе, засыпала красные уголья в печке толстым слоем пепла, накинула на свои худые, костистые плечи шаль, спрятала под неё топор дровосека с белым лезвием. Потом надела на голову большую, широкополую, с острой тульёй шляпу, заменяющую осенью в Карпатах зонтик, и твёрдо переступила порог дома. Братья пошли за ней.

Лёгкая, как птица, она бесшумно спускалась с гор в долину, среди лесов и скал, по руслу ручейка, по тайной тропинке. Братья шли за ней, не оставляя после себя следов. Глубокой ночью Мария Симак вывела отряд в узкую долину, на дне которой шумела в камнях река. Сквозь ветви маленького и бедного сада, разбитого вокруг старенькой хаты и коровника какого-то словацкого крестьянина, братья долго и молча смотрели вниз, в ущелье. Здесь не было ни дождя, ни ветра. При свете звёзд хорошо был виден большой железнодорожный мост, перекинутый над пропастью с одного берега на другой, от деревушки к деревушке. По настилам моста гремели кованые башмаки немецких часовых. Кондрат обнял Марию, сказал:

— Ну, мать, дожидайся нас вот в этих кустах, а мы скоро вернёмся.

Мария Симак покачала головой. Нет, она тоже пойдёт туда, куда и все. Она приблизилась к коровнику, тихонько открыла дверь, вывела оттуда корову с колокольчиком на шее, по звукам которого в Карпатах отыскивают заблудившийся в горах скот. На колокольчик из хаты выбежал словак, босой, в нижнем белье. Мать что-то скороговоркой объяснила ему — и хозяин покорно замолчал. Она погнала корову хворостиной по направлению к мосту.

Копыта коровы застучали по каменистой дороге. Часовые размеренным шагом пошли навстречу матери. Поровнявшись с ней, один из них что-то сказал крестьянке. Мария Симак ответила. Через мгновение с моста донеслась приглушенная возня, потом всё затихло — и звон колокольчика, и шаги часовых, и голос женщины. Братья поняли, что дорога для них свободна. Когда спустились вниз, они увидели Марию, стоявшую над трупами часовых. У одного голова была рассечена пополам, у другого разрублена грудь. Руки матери держали топор. Кондрат обнял её, поцеловал и легонько подтолкнул в спину — назад, на западную часть моста. Мария повернула корову, погнала её домой, а братья направились на восток, к темнеющей на обрыве казарме. Пока одни закладывали под фермой моста взрывчатку, другие ворвались в сторожевое помещение немцев и перебили гранатами сонную охрану.

Ещё в горах тысячекратно повторялся гром подорванного моста, ещё камни и железо падали с огромной высоты в реку, а отряд уже двинулся назад. Мария Симак провела их той же тайной тропинкой, не принимающей следа,— по руслу ручья.

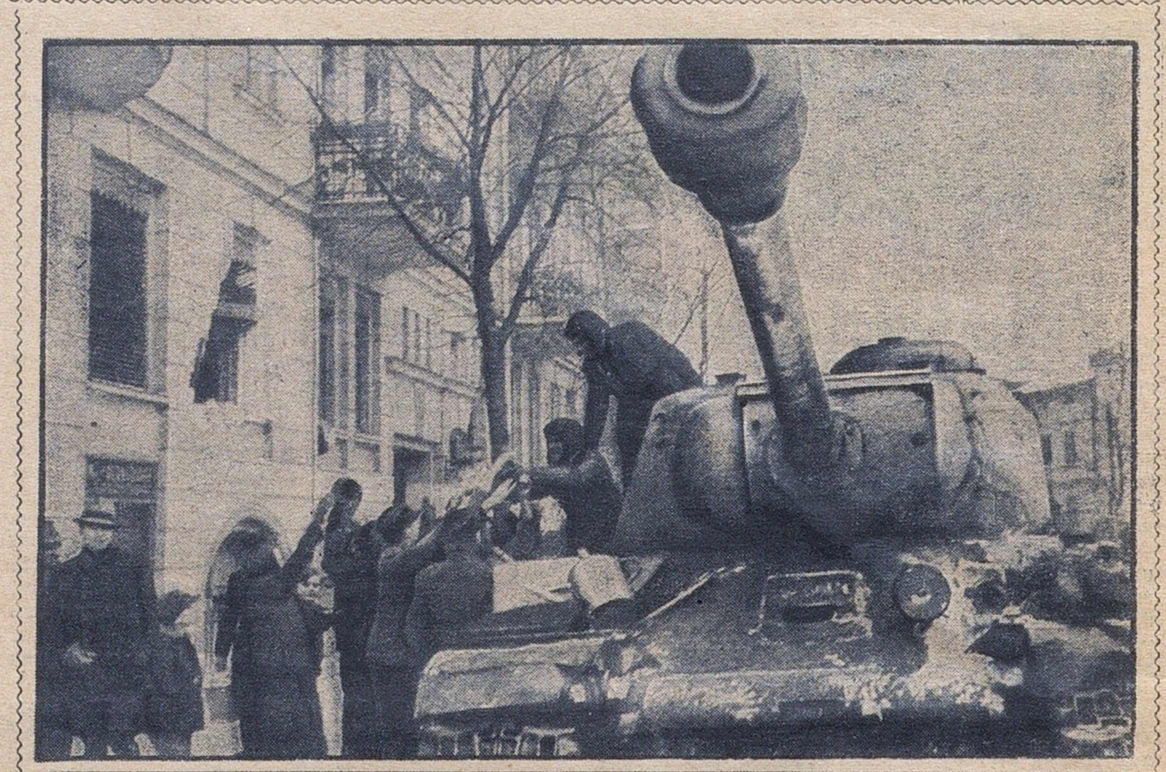
Светало, когда они добрались до горной хижины. Только что Мария стала разводить огонь в печке, как за Карпатским хребтом прогремел сильный, по-весеннему резкий, долго повторяемый горами гром. Гром в декабре!

— Не бойся. Это Красная Армия приближается.

Мать перекрестилась: — Слава тебе, господи!

Догорели дрова в очаге, сквозь дождь и мутные стёкла заструился пепельный рассвет. Пока отряд отдыхал, мать сидела на крылечке, вслушиваясь и вглядываясь в сумрачные леса Карпат — она сторожила сон своих сыновей.

Чехословакия.

В ОСВОБОЖДЕННОЙ ПОЗНАНИ. Войска 1-го Белорусского фронта после месячной осады и упорных боёв овладели городом и крепостью Познань. Население Познани, освобождённое от немецкого ига, восторженно встретило воинов Красной Армии. На верхнем снимке: жители города приветствуют советских танкистов. Вместе с Красной Армией в Познань вступили и воины Польского войска. На нижнем снимке: воин Польского войска выступает на митинге в Познани.

Фото Б. Пушкина и П. Жуковского (ТАСС)

— А сколько тебе лет, дедушка? — спросил Яро.

— Мне много! Я, внучек, живу на свете уже ровно сто лет. У нас, в высокогорной Сванетии, народ крепкий, живучий и воинственный.

— И я хочу быть воином, — сказал мальчик.

— В день двенадцатилетия тебе, по нашему древнему обычаю, вручат оружие: я подарю тебе свой кинжал и ружьё. Тогда ты и станешь воином...

Дед умер на сто девятом году своей жизни. Ярослав Иосселиани вместе с отцом переселился в Абхазию — в Гагры. Юноша уже в раннем возрасте владел языками трёх кавказских народов и хотел стать лингвистом, но когда он увидел море, то твёрдо решил стать моряком.

— Меня влечёт военная служба. Я

Герой Советского Союза Ярослав Иосселиани.

хочу быть моряком, — сказал он отцу.

— Но ведь сванов-моряков никогда не было.

— Так будут! — упрямо сказал юноша.

И Ярослав поехал учиться в военно-морское училище имени Фрунзе. Закончив училище, он плавал практикантом на кораблях Краснознамённого Балтийского флота, затем окончил командирский класс подводного плавания и был назначен штурманом на подводную лодку.

Отечественную войну лейтенант Ярослав Константинович Иосселиани встретил помощником командира подводной лодки.

В июле 1942 года его назначили командиром подводного корабля, и спустя немного времени он потопил неприятельский транспорт.

На флоте имя Ярослава Иосселиани вскоре стали ставить наравне с именами лучших мастеров торпедных атак и, когда хотели отметить выдающийся успех офицера-подводника, о нём говорили:

— Он атаковал, как Иосселиани! Это была большая похвала.

Однажды подводная лодка Иосселиани находилась на боевой позиции. Залитое солнцем море было гладким и ясным. Поднять перископ так, чтобы единственный на всей безбрежной синеве клочок белой пены не заметили вражеские наблюдатели, было невозможно. Но надо было проверить обстановку на море. Перископ показался на считанные секунды, и всё же его заметил неприятель.

— Срочное погружение! — скомандовал Иосселиани.

ПОДВОДНИК ИЗ СВАНЕТИИ

Л. Рогачевский

Вокруг начали рваться глубинные бомбы. Командир умело уклонился от преследования.

Когда шум винтов катеров противника стих, подводная лодка снова вышла на позицию.

— Не зря здесь рыскают немецкие катера, — сказал командир. — Наверно, скоро пройдёт караван.

Командир не ошибся. Вскоре показались транспорт и танкер. Они шли в охранении шести сторожевых, трёх торпедных катеров и трёх самоходных барж. С воздуха конвой прикрывали самолёты.

— Мы никогда не возвращались без победы, — обратился Иосселиани с коротким словом к экипажу. — Победим и на этот раз.

Подводная лодка прорвалась через конвой и с близкой дистанции выпустила торпеды. Раздался сильный взрыв. Танкер стал тонуть. Десять часов немецкие корабли охранения преследовали нашу подводную лодку. Они сбросили свыше 80 глубинных бомб. В лодке погасло электричество, кое-где стала просачиваться вода. Лодка шла внутри минного поля — и гибель подстерегала её.

На одиннадцатом часу преследования подводники, наконец, оторвались от противника. Ярослав Иосселиани после говорил:

— Эти десять часов стоили десяти лет жизни, но они ещё более закалили нас.

В мае 1944 года капитану третьего ранга Иосселиани было присвоено звание Героя Советского Союза. А весь его прославленный экипаж награждили боевыми орденами.

На дне двух морей — Чёрного и Баренцова — лежат потопленные Иосселиани вражеские транспорты, танкеры, тральщики, самоходные баржи. Доблестная подводная лодка проникала в неприятельские базы, форсировала минные поля, прорывалась к цели сквозь плотное кольцо кораблей охранения. Девять судов врага потопила она в различных районах Чёрного моря, потом к ним прибавились 2 тральщика из тех немецких судов, что уничтожили черноморцы между Севастополем и Румынией в мае 1944 года. Из 11 неприятельских судов, потопленных североморскими подводниками в дни боёв за Печенгу и Киркинес, 2 транспорта и танкер также записаны на боевой счёт Ярослава Иосселиани.

Сплоченность и боевая дружба всего экипажа лодки помогали им одерживать победы и выходить невредимыми из самых опасных положений.

— На примере нашего подводного корабля, — говорит Иосселиани, — видна нерушимая дружба народов нашей великой страны. В числе экипажа русские, украинцы, белоруссы, грузины и представители других национальностей. Каждый офицер, каждый краснофлотец борется за счастье своего народа, за наше общее счастье, за скорейшую, окончательную победу над немецкими захватчиками!

Боевая дружба экипажа, глубокая преданность и верность советских воинов своей родине — непреоборимая сила. Русские — старший лейтенант Решетов, старшина группы трюмных Маторин; украинцы — старший лейтенант Глоба, акустик — старшина 2-й статьи Бордок, старшина группы электриков Костенко; белорусс — механик Снсевич; еврей — старший краснофлотец-торпедист Литвинский — и другие члены экипажа подводной лодки под командой своего командира — первого моряка-свана Ярослава Иосселиани — неутомимо ищут, находят и топят неприятельские корабли. В одной из последних боевых операций с особой силой сказались высокое уменье, выдержка, сплочённость славных подводников.

Лодка получила задание находиться на позиции в районе, который советские моряки справедливо называют «кладбищем немецких кораблей». Здесь советскими подводниками было потоплено немало вражеских судов. Однако немцы продолжали водить в этом районе свои караваны. Им казалось, что этот путь всё же наиболее безопасный.

Лодка Иосселиани уже долгое время подстерегала врага. Старший лейтенант Глоба первый обнаружил немецкий конвой. Шли 2 транспорта в охранении нескольких сторожевых катеров, над ними кружились самолёты.

Как всегда, Иосселиани смело вышел в атаку. Выпущенная торпеда взорвала транспорт. Началась бомбёжка. Надо было срочно уходить. При одном близком взрыве глубинной бомбы вышел из строя важный прибор. От быстроты его ремонта зависела жизнь всего экипажа.

Работа в подводной лодке всегда крайне напряжённа, но бывают такие минуты у каждого подводника, когда именно от него зависят выполнение замысла командира, исход атаки и даже спасение корабля. Сейчас судьба экипажа была в руках трюмных Маторина и Бочарникова. При скудном освещении, почти наощупь, они разобрали сложные механизмы. Работать они должны были бесшумно: немцы, сбросив серию бомб, прослушивали море, и каждый стук мог выдать местонахождение лодки. Маторин ударял молотком в тот момент, когда раздавался взрыв очередной бомбы.

— Ну, как дела? — спрашивал командир.

— Скоро закончим, товарищ капитан третьего ранга, — отвечал Маторин.

Наконец, трюмный доложил:

— Повреждение исправлено.

Подводная лодка оторвалась от преследования и благополучно вернулась на свою базу.

Над заполярными сопками прогремел традиционный выстрел — это означало, что подводники возвратились с победой!

НА ПОБЕРЕЖЬЕ ДУНАЯ. Югославский партизан Максич Бренко и гвардии краснофлотец В. П. Чешев греются у костра.

Фото С. Шиманского (ТАСС)

«КОМБИНАТ СМЕРТИ» В ТРЕБЛИНКЕ

С. Рейзман

ЛАГЕРНЫЕ РАБОЧИЕ

В лагере № 2 жили заключённые, использовавшиеся на различных работах в обоих лагерях. Существовали следующие категории рабочих-заключённых:

1. Занятые переноской на склады одежды новоприбывших.
2. Занятые сортировкой багажа и погрузкой награбленного имущества в вагоны, отправляемые в Германию.
3. Занятые сортировкой, подсчётом и упаковкой денег и драгоценностей.
4. Квалифицированные рабочие, как например портные, сапожники, плотники, каменщики, слесари и т. п., работавшие в мастерских.
5. Парикмахеры.
6. «Дантисты».
7. Рабочие, перетаскивавшие трупы из камер в печи.

Рабочие первых пяти категорий были строго изолированы от всех остальных, для того чтобы заключённые, не работающие непосредственно при камерах, не знали, как происходит умерщвление людей. Рабочих седьмой категории сменяли каждые несколько дней. Рабочие первых шести категорий считались якобы «постоянными», но в действительности жизнь каждого из «постоянных» рабочих зависела от настроения палачей, а те всегда жаждали человеческой крови. Смерть грозила за малейшую провинность. За то, что у рабочего нашли кусок хлеба, выпеченного не в лагерной пекарне; за то, что недостаточно старательно спорол с одежды убитых евреев жёлтые нашивки (чтобы не осталось следа); за то, что утаил в кармане пять грошей или обручальное кольцо, последнюю память о жене.

Виды казни были разнообразны. Обречённого запаривали насмерть кнутами, либо вешали за ноги, затравливали собаками, что было любимой забавой унтерштурмфюрера Франца. Расстрел считался самой лёгкой смертью.

В холодных, завшивленных бараках зимой 1942—1943 года вспыхнула эпидемия тифа. Было в лагере № 2 заведение, которое называлось «кранкенштубе» (больничный барак). Рабочий с температурой 40° обращался к врачу из заключённых, тот отсылал его на несколько дней в «кранкенштубе». Тогда появлялся унтершарфюрер Метте, специальностью и страстью которого была «сортировка» больных.

Метте быстро ориентировался в каждой болезни и считал, что самое лучшее лечение больной получит в «лазарете» лагеря № 1. И действительно, там пуля быстро обрывала нить страданий. В последние недели врачам из заключённых удалось с неимоверным трудом и риском раздобыть ампулы для впрыскивания усыпляющего вещества, и каждому больному, относительно которого врачи не сомневались, что Метте отправит его в «лазарет», перед смертью делали такой укол.

Текучесть состава рабочих-заключённых ярче всего иллюстрируется тем фактом, что за 11 месяцев моего пребывания в Треблинке, где постоянно работало 700 человек, через лагерь № 2 прошло на смерть около 20 тысяч «постоянных» рабочих.

ПАЛАЧИ

У начальника лагеря гауптштурмфюрера Штенгеля, бывшего венского лавочника, была страсть к драгоценностям, которые он полными чемоданами вывозил к себе домой. Он мог целыми часами стоять на высокой насыпи, над могильными рвами, засунув руки в карман, и наблюдать, как сжигают трупы женщин и детей. На груди его красовался железный крест — за особые заслуги перед «фатерляндом». Он никогда сам не выполнял «чёрной» работы, ибо в его распоряжении было довольно подчинённых. Но он никак не мог досыта наглядеться на прибывавшие десятки тысяч новых жертв и потому не пропускал ни одного транспорта. В те дни, когда новых составов не было, Штенгель впадал в меланхолию.

Грозою лагеря был заместитель начальника унтерштурмфюрер Курт Франц — высокий, плечистый мужчина, бывший повар, уроженец Тюрингии. Он был любителем бокса и, чтобы не выйти «из формы», ежедневно перед завтраком выбирал себе из числа рабочих-заключённых «партнёра» для тренинга. Намеченная жертва должна была стоять неподвижно, чтобы «маэстро» мог как следует нацелиться. После первых же ударов в лицо «партнёр», обливаясь кровью, падал без сознания на землю. Если Франц оставался недоволен тренингом, жертва отправлялась в «лазарет».

Франц любил прогуливаться по площади вместе со своим псом Бэри—огромным зверем, таким же свирепым, как его хозяин. Франц демонстрировал на нём достижения немецкой дрессировки. Пёс бросался на намеченную жертву и одним рывком выдирал кусок мяса. Франц деловито проверял, сделан ли укус точно там, где было приказано, и, если пёс ошибался, «опыт» начинался сызнова. Большинство больных в лагере состояло именно из жертв Бэри.

После рабочего дня всегда оказывалось несколько «преступников», которые получали от 25 до 100 ударов кнутом; эту операцию всегда производил сам Франц. Он и тут проявлял истинно немецкую изощрённость.

Дежурный комендант гауптшарфюрер Киха Кютнер, по профессии жандарм, был олицетворением прусской солдатчины. Мрачный, исполненный служебного рвения, он окружал себя шпиками. Его излюбленной страстью было выискивать «преступников». Ему дозарезу нужно было дослужиться до чина Франца, и он из кожи лез, чтобы превзойти в зверствах своего начальника. Целый день носился он по площади с нагайкой в руках, не давая спуску никому. Вынюхивал, у кого спрятаны «недозволенные продукты», и во время страшнейшего голода в лагере убивал рабочих, у которых находил кусок хлеба сверх нормы.

Его заместитель унтершарфюрер Эмиль Метте по целым дням сновал между рабочими и заглядывал им в глаза: болен или здоров? Каждый раз, когда ему предстояло выехать в отпуск, он высчитывал, сколько дней продлится его отсутствие, и перед отъездом ввиде меры предосторожности «против эпидемий» отправлял несколько десятков человек в «лазарет» — на смерть.

Второй заместитель коменданта, Сепп Гитрайдер, по профессии сапожник, рьяный эсэсовец, имел свои «чёрные дни», когда он ходил по площади в глубокой меланхолии и никому не отвечал ни слова. Он считался незаменимым при истязании голых женщин и уничтожении грудных детей. Гитлер наградил его орденом.

Кроме того в лагере было ещё 36 палачей унтершарфюреров.

ВОССТАНИЕ

Конспиративный комитет, организовавшийся среди «постоянных» рабочих-заключённых, состоял из десяти человек. Комитет лелеял план хотя бы частичного возмездия за гибель миллионов людей и с этой целью подготавливал уничтожение лагеря вместе с палачами.

Надо было раздобыть необходимое количество взрывчатых веществ из немецкого оружейного склада, который находился на территории лагеря № 2; только здесь можно было достать оружие, но приблизиться к складу было почти невозможно.

Бронированные двери склада были заперты тяжёлыми замками. Один из заключённых, рабочий слесарной мастерской, Зальцберг, получил от комитета приказ: достать слепок с ключа от склада. Через несколько недель, когда Зальцберга послали на склад починить замок, ему удалось сделать точный слепок. Несколько месяцев работал он, хоронясь от немецких надзирателей, чтобы выточить ключ, и наконец передал его комитету.

Были организованы три боевые дружины по 20 человек каждая, при этом соблюдалась строжайшая конспирация, так что никто из членов дружины не знал, кто, кроме него самого, входит в неё.

Наш командир, доктор Юлиан Хоронжицкий, бывший польский капитан, разработал подробный план действий. Восстание было назначено на 21 апреля 1943 года. К несчастью, 19 апреля случилось так, что доктор Хоронжицкий «не по всем правилам» отдал честь унтерштурмфюреру Францу, и тот ударил его по лицу хлыстом. Вне себя от гнева доктор Хоронжицкий выхватил нож и замахнулся на душегуба. Франц выпрыгнул в окно. Немцы, сбежавшись на крики перепуганного Франца, хотели схватить Хоронжицкого живьём. Но это не удалось, ибо доктор успел принять яд. Восстание было отложено.

Командование принял на себя доктор Лейхтер. Кроме него самое активное участие в организации восстания принимали заключённые Курлянд, инженер Галевский, инженер Судович, Зальцберг и Гелло (из Чехословакии).

Был разработан план взрыва и уничтожения всего лагеря. О своём спасении не приходилось даже мечтать, так как вся территория лагеря была окружена несколькими рядами колючей проволоки, насаженной на врытые в землю противотанковые «ежи». Внутренняя охрана была так сильна, что никому и не снилась возможность бегства из лагеря. Намечено было раздобыть несколько десятков динамитных зарядов или гранат и в назначенный момент всё это использовать одновременно.

Склад непрестанно находился под бдительным надзором. Но судьбе угодно было, чтобы в конце июля 1943 года немцы предприняли очистку площади от кирпичей и обломков. Евреи — заключённые, занятые этой работой,— целый день находились возле склада. Обстоятельства благоприятствовали нам, часовые не обращали внимания на сновавших взад и вперёд заключённых, и благодаря этому 2 августа, в 2 часа дня, нам удалось незаметно открыть двери склада, впустить туда одного из членов организации и запереть его там. В то же время нам удалось вынуть стекло из зарешеченного окна в противоположной стене склада, где не было часовых, и вытащить через решотку 20 гранат — небольшого размера, но зато большой взрывчатой силы,— 20 автоматов и несколько десятков заряженных револьверов. Товарищ наш вышел из склада никем не замеченный. Оружие было немедленно развезено заключёнными в повозках, на которых вывозился битый кирпич и прочий хлам. На площади оружие было разделено между командирами боевых групп.

На площади и в бараках работал член боевой дружины — дезинфектор, который постоянно разбрызгивал из распылителя дезинфицирующую жидкость. Когда взрывчатые вещества были собраны, наш командир решил не откладывая приступить к действиям. Дезинфектор влил в распылитель 25 литров бензина и совершенно открыто ходил по территории лагеря, обливая бензином намеченные к поджогу объекты.

Восстание должно было начаться в 16 часов 45 минут. Несмотря на строгую конспирацию, в лагере царило всеобщее возбуждение. Члены боевых групп, зная, что идут на неизбежную смерть, прощались с товарищами. Один из эсэсовцев почуял, что в лагере творится что-то необычайное, но не мог доискаться причин. Учитывая такое настроение, наш командир решил начать восстание на час раньше. Разумеется, из-за этого некоторых приготовлений не успели довести до конца, но другого выхода не было.

Сигналом к восстанию должен был послужить ружейный выстрел около рабочих бараков. В 15 часов 30 минут нашему командиру донесли, что всё подготовлено, люди ждут приказа.

В 15 часов 45 минут раздалось несколько ружейных выстрелов: один из наших товарищей уложил на месте палача гауптшарфюрера Кютнера и шпика Куба. В следующую секунду одновременно раздались взрывы 20 гранат и застрочили автоматы дружинников. Прежде чем немцы успели понять, что происходит, лагерь был охвачен пламенем. Оружейный склад взлетел на воздух, всё кругом загорелось; остались целы лишь газовые камеры, так как к ним абсолютно невозможно было приблизиться.

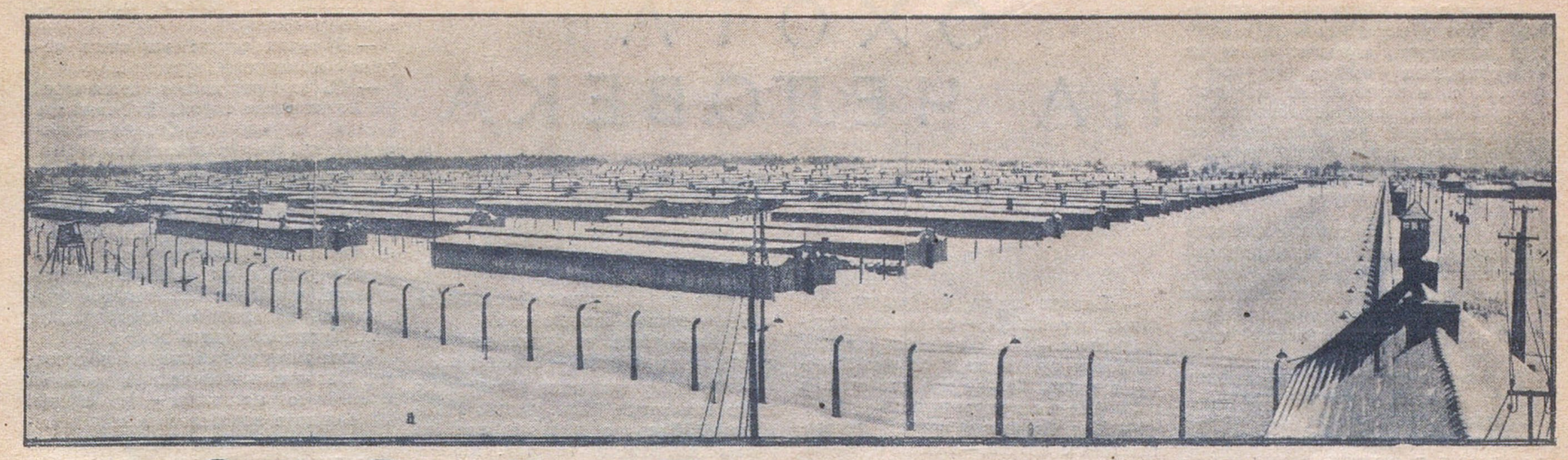
Вместе с лагерем, где дружинники застрелили 25 эсэсовцев и 60 солдат внутренней охраны, погибло также 700 еврейских заключённых — рабочих. Только каким-то чудом группе в 200 человек удалось вырваться из пылающей Треблинки. Из них большинство погибло в стычках с немцами, которые бросились в погоню из соседнего лагеря.

В течение последних 11 месяцев существования подпольной организации в Треблинке проводился учёт привозимых для уничтожения людей и вывозимых ценностей. По этим данным, здесь немцы загубили миллионы людей. За эти же 11 месяцев было вывезено вещей и имущества убитых на общую сумму свыше десяти миллионов долларов.

Таковы некоторые детали из страшной повести о Треблинке.

(Перевод с польского Н. Вильтер.)

Окончание. Начало см. в № 8 «Огонька».

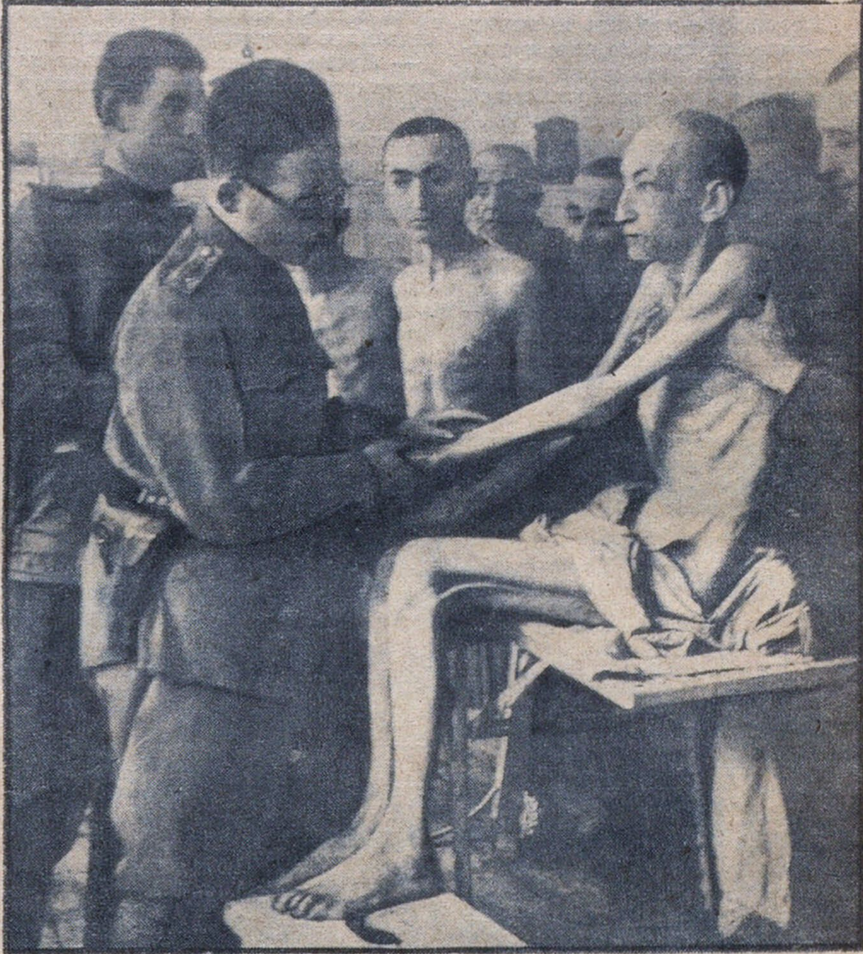

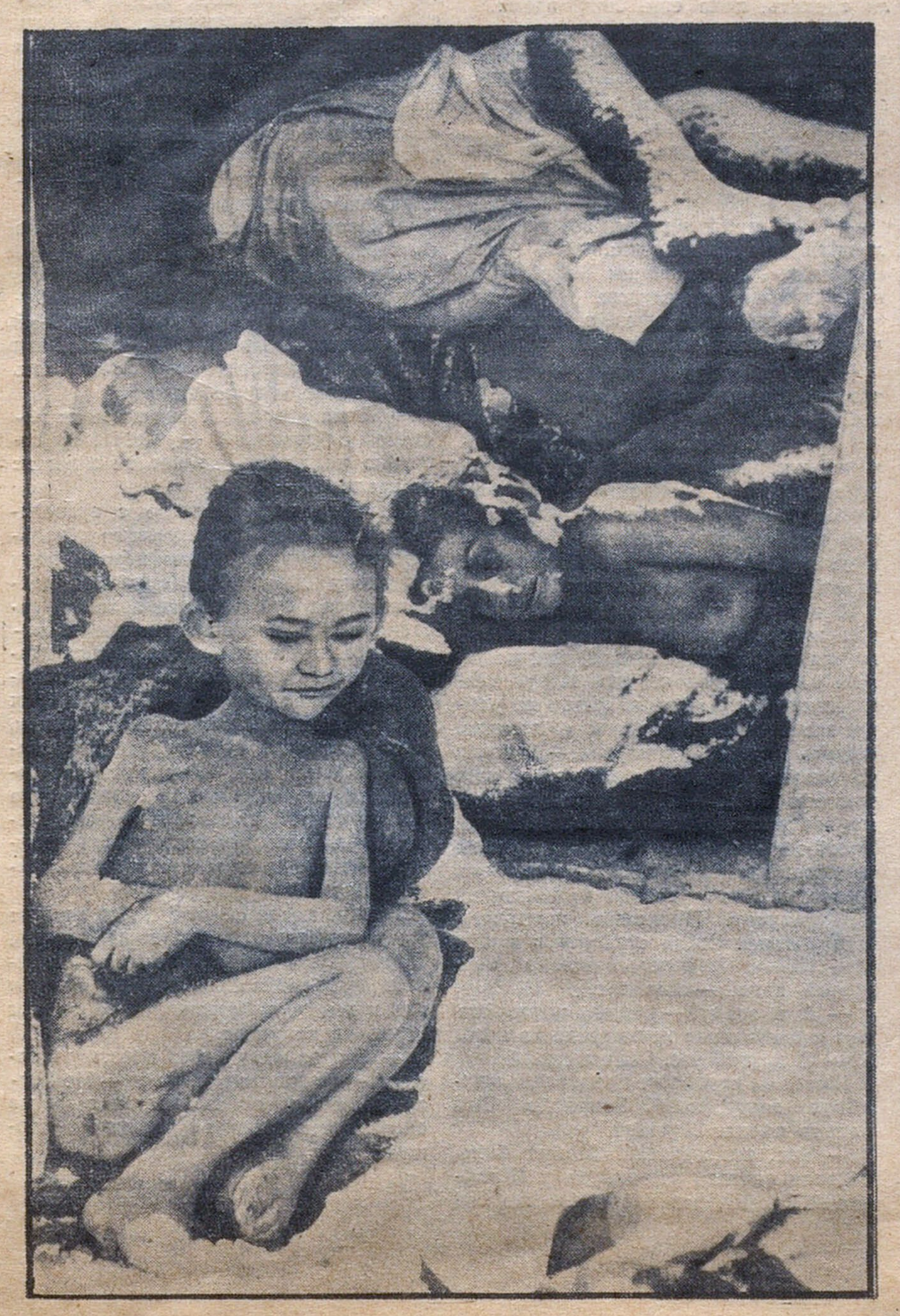
ОСВЕНЦИМ

Фото Р. Мазелева (ТАСС)

Уже давно самое название польского города Освенцим связывалось со страшными злодеяниями гитлеровских захватчиков. На десятки квадратных километров растянулся этот грандиозный комбинат смерти. Здесь немецкие изверги замучили миллионы людей — русских, поляков, евреев, французов, чехов, югославов. Ежедневно сюда прибывали набитые битком людьми эшелоны из оккупированных немцами районов СССР, Польши, Франции, Югославии. Стремясь максимально увеличить «производительность» комбината смерти, немцы механизировали все орудия массового уничтожения заключённых: построили газовые камеры, электроконвейер, шахтную печь для сжигания трупов и так называемые «камины». Вся огромная площадь лагеря в буквальном смысле полита человеческой кровью и удобрена человеческим пеплом.

На снимке вверху: общий вид одного из отделений лагеря — Биркенау. Здесь находились четыре гигантских корпуса, в которых путём отравления газом «циклон» истреблены сотни тысяч заключённых.

На верхнем снимке: советский военный врач осматривает доведённого до безнадёжного состояния инженера из Вены Рудольфа Шерма. На снимке внизу: 15-летний Иван Дудник из Орловской области, сошедший с ума в лагере. На снимке слева: трупы замученных людей, которые гитлеровцы не успели сжечь; на переднем плане — труп ребёнка, умершего в лагере от голода.

ОХОТА НА ЧЕЛОВЕКА

Мартин Андерсен Нексе

Рассказ

Только в солнечные дни, когда нашему народу случается быть в весёлом настроении, называет он серые оккупационные войска «сероногими», т. е., в переводе на хороший датский язык, попросту вшами. В других случаях употребляются не столь живописующие выражения, а названия, извлечённые из таких глубин, где самому нечистому должно быть не по себе.

Это было именно в солнечный день в конце августа 1943 года. Пышный датский ландшафт дремал, лениво раскинувшись под осенним небом, как насытившийся, удовлетворённый младенец, только что выпустивший материнскую грудь.

И вдруг спокойная улыбка ландшафта сменилась резкой гримасой. Из села с пыхтением и треском выехала колонна затянутых в кожу мотодьяволов в шлемах, с выпученными, как у раков, стеклянными глазами. Словно наводящие ужас чудовища, помчались они по большой дороге, свернули с неё, обогнули дачу, направляясь к ферме, и снова вернулись на дорогу.

Двое людей — мужчина и женщина — вышли на крыльцо дачи и остановились, глядя на раскинувшийся перед ними пейзаж, снова улыбавшийся им после пронесшегося урагана.

— Уж не за нами ли выехали «сероногие»? — спросила женщина, мужчина только пожал плечами. — Хорошенько заприте за нами! — крикнула мать, оборачиваясь к даче.

Из окна ей кивали молоденькая девушка и большеглазый ребёнок.

— Бояться совершенно нечего, — сказала женщина, и оба направились к железнодорожной станции.

Начальник станции сам подошёл к окошку кассы.

— Похоже на то, что «сероногие» что-то замышляют, — сказал он, понижая голос. — Все остальные станции получили приказ не продавать билетов в город. Только про нас забыли.

Он был в нерешительности.

— Мне бы нужно поехать посоветоваться с врачом, — сказал мужчина.

— Опять что-нибудь с сердцем? Ну что ж, придётся пойти на риск. Сойдите уж только на какой-нибудь из пригородных станций, а не на главном вокзале.

Начальник станции выдал им билеты, а перед самым отходом поезда подошёл к открытому окну вагона.

— Лучше вам не показываться на промежуточных станциях, — шепнул он.

Они сошли на последней остановке перед центральным вокзалом и направились в город. Оккупационные войска кишели повсюду, как клопы. В своей мерзкой форме они стояли с пулемётами, выстроившись, точно бездушные пешки, у военных учреждений и складов, или же, как заводные игрушки, маршировали по улицам группами в пять—шесть человек. И какие же у них противные лица!

— В сущности, они выглядят смехотворно, точно какие-то пресмыкающиеся, — громко сказала она.

— Пожалуйста, не будем сами напрашиваться на пулю, — ответил он.

— Отчего у них такие безобразные лица: землистые, бескровные, искажённые? Ведь в прежние времена немцы выглядели не так. Может быть, это от нечистой совести, как ты думаешь?

— Возможно, что от самоотравления. Вряд ли они сами в состоянии выносить действие паров своих адских измышлений. Ты права: они похожи на пьяниц с похмелья.

— А не кажется ли тебе, что они всё же стыдятся? Смотри, как они искоса поглядывают. Да, у них совесть нечиста!

— У зверей нет никакой совести, ни чистой, ни нечистой.

— Но ведь они всё-таки люди, хотя никогда не показывают этого здесь. Дома у многих из них есть жёны и дети.

Он пожал плечами:

— И хищные звери лижут своих детёнышей.

Они торопились: многое нужно было сделать, пока ещё было время.

Немцы, очевидно, к чему-то готовились. В воздухе чувствовалось какое-то особенное беспокойство. Говорили, что солдатам выдали усиленные порции водки.

— А твоё сердце? — говорила она уже в третий или четвёртый раз. — А приём у врача?

— С этим придётся подождать до лучших времён. Но, послушай, здесь пахнет кофе, настоящим кофе! Ведь кофе полезно для сердца.

Они направились к кафе, посещаемому немецкими офицерами.

— Да ты с ума сошёл! — сказала она. — Вдруг кто-нибудь из них знает тебя в лицо?

Кафе было полно офицеров с дамами, жирными, полногрудыми фрау, приехавшими к мужьям «на курорт», чтобы помогать им обирать «образцовый протекторат». Никто не обратил внимания на вошедших. Кофе оказался действительно настоящим.

И вот они снова на улице. Мимо них проносились ощетинившиеся ружьями грузовики с солдатами, похожие на огромных клопов. Вдруг что-то глухо ухнуло вдали. Люди на улице засмеялись, захлопали в ладоши. «Опять что-то лопнуло», — весело проговорил проходивший мимо них человек. Звук донёсся очень издалека, возможно, с другого конца города, и всё же немецкие солдаты открыли беспорядочный огонь с грузовиков. Напротив упал человек и покатился по тротуару. Прохожие нагнулись над убитым. Стали стрелять и в них.

— Пожалуй, теперь можно вернуться домой, — сказал он.

— А к врачу? — упрямо повторила она и озабоченно посмотрела на него.

— В другой раз. Сейчас домой.

Выезд из города не представлял никаких затруднений. Запрещён был только въезд. Почему?.

— Вот, поди, узнай! Может быть, об этом сказано что-нибудь у Шлиффена? Значит, так надо. Или же они подготавливают что-то особенное, например облаву.

— В таком случае это очень неумно с их стороны, друг мой.

— На этот раз дело касается евреев. Ходят такие слухи... Всё-таки мы сегодня хорошо поработали, — добавил он, как бы желая извинить что-то.

На станции подошедший железнодорожник наклонился к ним.

— Они сидят у вас дома и ждут, — пробормотал он, делая вид, что поправляет светомаскировку. — Наши друзья увидели их со станции и позвонили, чтобы мы следили за приходящими поездами и предупредили вас. Лучше не ездить домой.

Глаза женщины наполнились слезами. Наполнились мгновенно, точно из подземного источника — из сердца. Её волнение передалось и ему, у него задрожали щёки. Жаль было её. Она так оберегала его! Но надо было ехать домой, домой, к маленькому большеглазому бесёнку, которого подарила ему жизнь под старость.

— Домой, — сказал он.

И она ничего не возразила, только постаралась придать лицу спокойное выражение и, чтобы ободрить его, взяла его руку в свою. Для него не годится уйти в подполье, скитаться по лесам и болотам, спать, где попало. Будь, что будет!

Когда они сошли с поезда, им подали со станции условный знак. «Сероногие» ушли. Здесь больше не было отвратительных паразитов, находящих своё удовлетворение в обжорстве, осквернении существования других, высасывании соков из крови. Это черти сверхъестественной величины, закованная в броню нечисть со смертоносным оружием всех видов и дьявольскими побуждениями. Ах, если бы обладать волшебной, колдовской силой! С каким хладнокровием предал бы он смерти в одно мгновение миллионы этих проклятых гадов, очистил бы от них весь мир, всё человечество!

— Над чем ты смеёшься? — спросила она с удивлением.

— Провожу мысленно гигантскую санобработку.

Дом оказался накрепко запертым. Наконец им открыли. В дверях показалось сияющее радостной улыбкой лицо Эльзы. Из-за неё выглядывал бесёнок, у которого глаза казались ещё больше обыкновенного.

— А знаешь, папа, они на меня наставляли револьвер, — удивлённо говорила малютка, — но совсем меня не застрелили.

Их приходило шестеро с гранатами у пояса и автоматическими револьверами в руках. И они искали папу по всему дому. Они оружием толкали перед собой обеих девочек, заставляя их распахивать двери настежь, а потом уже осмеливались входить сами. Эльза совсем их не испугалась, только лицо у неё было, как у сумасшедшей. А бесёнок боялся, потому что они ей очень не понравились и рты у них были, как у людоедов из сказки. Но они сказали, что придут опять! А как только они уехали, Эльза пошла и собрала все папины бумаги и побежала с ними к соседям. Вот какая она умная!

Теперь, когда самое худшее на этот раз миновало, сердце дало себя знать. С наступлением темноты подъехал санитарный автомобиль, чтобы отвезти его в город, в больницу, где он мог скрыться на время.

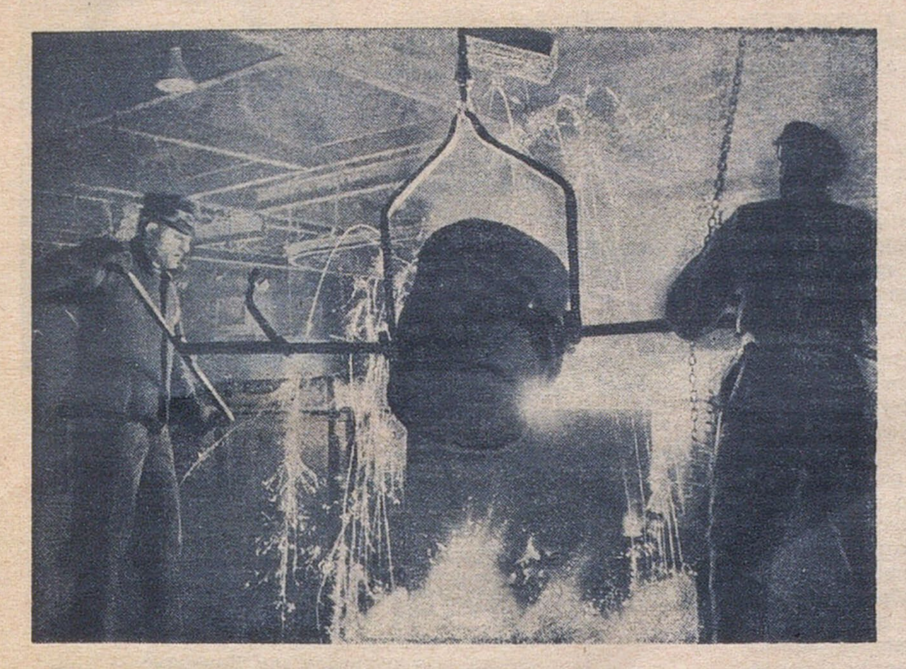
— Завтра вам нужно исчезнуть отсюда, — прошептал он жене. — Но когда кончится война, настанет наша очередь охотиться за чертями и клопами!

Перевела с датского
В. Ледковская

Антифашистские подпольные газеты, выходящие в оккупированной немцами Дании.

ЧЕТЫРЕ ОРДЕНА

В. Вавилов

В чугунолитейном цехе Кировского завода в Ленинграде. Разлив металла в форму.

Фото Мих. Грачёва

Представьте себе заводской корпус величиной с Красную площадь в Москве, сплошь заставленный станками и опоясанный во всех направлениях конвейерами. А вверху, над ними, сотни движущихся подъёмников, от самых крошечных до огромных мостовых кранов.

Так выглядит один из уголков Кировского танкового завода на Урале. Я говорю «уголков», потому что на заводе есть несколько подобных гигантских цехов и десятки корпусов поменьше. Директор или главный инженер, отправляясь в цехи, вынуждены пользоваться автомашинами, ибо пешком они рискуют странствовать весь день.

Если все станки, пресса, молоты и другие агрегаты цехов поставить в шеренгу, то образуется сплошная линия длиной свыше 20 километров.

Чтобы судить о масштабах и размахе производства тяжёлых танков на Кировском заводе, достаточно сказать, что ежедневно на завод прибывает несколько железнодорожных эшелонов с сырьём и полуфабрикатами, а также с готовыми агрегатами для танков, составляющими нормальную суточную порцию питания производства.

Мощность всех электродвигателей, установленных в цехах, равна мощности крупной районной электростанции.

Кузница выпускает штамповок и поковок в два раза больше, чем один из самых крупных специальных кузнечно-прессовых заводов Урала.

И всё же несмотря на свои масштабы Кировский завод непрерывно расширяется. На возведении новых корпусов уже четвёртый год занят отряд в несколько тысяч строителей.

* * *

В первые месяцы войны оборудование многих заводов было вывезено с запада на восток. Предприятия обосновались, пустили корни в глубоком тылу, а ныне восстановлены на своих старых местах и основные заводы. Раньше в Москве существовал один автомобильный завод—имени Сталина. При эвакуации его оборудование было размещено в четырёх пунктах. Там теперь построены и действуют четыре новых автомобильных предприятия. А опустевшие на несколько месяцев корпуса Московского автозавода уже давно ожили и выпускают грузовые и легковые автомобили.

Таким же заводом-двойником является и Кировский завод на Урале. В Ленинграде живёт и здравствует старый Кировский завод (б. Путиловский), а здесь—молодое предприятие, которое переросло своего «отца».

Военная слава завода представлена тяжёлыми танками. Они по своей конструкции намного превосходят всех «пантер», «тигров» и «королевских тигров» фашистской Германии.

На пурпурном знамени Кировского завода сверкают четыре ордена. В них заключена величайшая гордость кировцев. В нашей стране имеется немало орденоносных заводов. Многие заслужили по две и три высших награды. Но пока только один Кировский завод отмечен четырьмя орденами: орденом Ленина, Красного знамени, Трудового Красного знамени и Красной звезды.

Каждая награда связана с освоением новой техники, с новой производственной победой заводского коллектива.

У новаторов-кировцев учились и учатся машиностроители других предприятий. Когда ещё не были заложены фундаменты цехов Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, в Ленинграде был освоен выпуск тракторов. По нынешним понятиям это были маломощные машины, но они «сделали погоду» в организации коллективного хозяйства в советской деревне.

Это достижение завода было отмечено вручением ему ордена Трудового Красного знамени.

В 1939 году кировцы сказали веское новое слово в современном танкостроении. Именно в Ленинграде, в корпусах Кировского завода, был построен тяжёлый танк «КВ». Кировцы были пионерами и в освоении многих других машин. Орден Ленина увенчал их выдающиеся успехи на этом поприще.

Когда разразилась война с белофиннами, кировцы исключительно быстро наладили выпуск новых видов боевой техники. Созданные их искусными руками машины ускорили прорыв линии Маннергейма.

Заводское знамя украсила новая награда — орден Красного знамени.

В дни Отечественной войны завод грудью встал на защиту Родины.

Его исполинская сила заключается не только в больших масштабах производства, но и в способности быстро выполнять труднейшие задания фронта, в уменье постоянно брать верх над немецкой техникой.

Переехав на Урал, кировцы в тяжёлых условиях в кратчайшие сроки организовали массовое производство танков «КВ». Ещё быстрее завод освоил несколько типов других сухопутных броненосцев. В состязании с немецкой танковой промышленностью он побил её своими дизельмоторами, мощнейшей самоходной артиллерией, наконец новым тяжёлым танком. Превосходство постоянно достигалось и по качеству и по количеству машин.

Переход на новый тип тяжёлого танка требовал полной перестройки производства. Это было достигнуто в рекордный срок — в течение $2\frac{1}{2}$ месяцев.

Выдающиеся заслуги кировцев перед родиной в дни войны отмечены вручением им четвёртой награды — ордена Красной звезды.

Так работает молодой Кировский завод на Урале. А что происходит на Кировском заводе в Ленинграде?

— Во время блокады мы жили на одной улице с немцами, — рассказывает директор завода Пузырёв. — Седьмая трамвайная остановка от завода находилась уже на территории, занятой фашистами...

Любое заводское здание было отчётливо видно гитлеровцам без бинокля. Они нещадно обстреливали и бомбили завод. В стенах и крышах корпусов — следы многочисленных пробоин. Насквозь прострелены были даже некоторые заводские трубы. За время блокады немцы выпустили по заводу больше 5 тысяч снарядов крупного калибра. Вражеские самолёты сбросили сюда свыше 800 фугасных бомб.

Но героический коллектив не сдавался. Завод продолжал производить вооружение и боеприпасы для войск Ленинградского фронта.

Сейчас он быстро оправляется от тяжёлых ран, нанесённых ему фашистами. Оба Кировских завода — в Ленинграде и на Урале — с каждым днём увеличивают выпуск боевой техники для Красной Армии.

Урал — Ленинград.

Сборочный цех Кировского завода (Урал). Бригада слесарей-сборщиков Михаила Дрозда устанавливает башню на танк.

Фото В. Чернышёвой (ТАСС)

Литература и искусство

«ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША»

Сцена из 2-го акта оперы «Тамбовская казначейша». Трактирщик — артист П. Коробков, улан Гарин — артист С. Ильинский, его друг — заслуженный артист РСФСР Н. Пермяков.

В Москве в Доме учёных с успехом прошла премьера оперы Б. Асафьева «Тамбовская казначейша» (по поэме Лермонтова «Казначейша»).

Написанная в жанре комической оперы, «Тамбовская казначейша» содержит и элементы музыкальной драмы, органически связанные автором в единое целое. Характеристики персонажей и происходящих событий даны композитором чрезвычайно выразительно. Музыкальный язык Б. Асафьева прост и понятен, вместе с тем он представляет значительный интерес и требует высокого исполнительского мастерства.

Аромат лермонтовской поэмы прекрасно передан и композитором и автором либретто А. Матвеевым (погибшим в рядах ленинградских ополченцев).

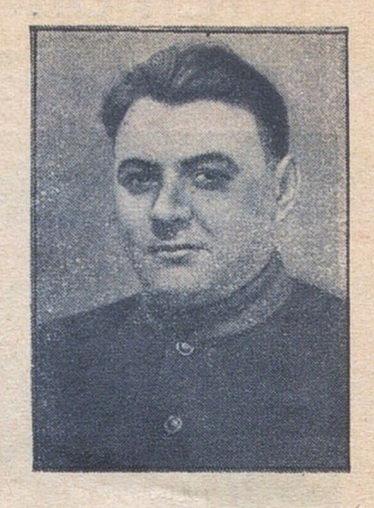
Отдельные номера оперы — чудесная находка для концертной эстрады. Это мужской дуэт «Нигде не пропадут уланы» (в тамбовском трактире), блестящая колоратурная ария Авдотьи Николаевны на именинах и песня ямщика.

Из исполнителей отдельных партий похвалы заслуживает артистка Островская, хорошо справившаяся с значительными вокальными трудностями партии казначейши. Хорошо звучал голос артиста Ильинского, но в сценическом отношении образ Гарина представляется более разнообразным, чем это удалось исполнителю. Очень выразителен артист Коренев в партии Бобковского. Приятно была исполнена песня ямщика Олейниковым.

Режиссёр К. Попов просто и убедительно разрешил сложность концертного воплощения спектакля.

Б. Халип

ПЕВЕЦ КАЗАЧЬЕЙ СЛАВЫ

Анатолий Софронов.

Есть широко популярная советская песня о донских казаках «Как у дуба старого...» Для её автора — Анатолия Софронова — тема Дона, казачьей воинской славы,— главная тема с первых же шагов его творческого пути. Об этом красноречиво свидетельствуют названия его книг «Сторона донская», «Конногвардейцы», «Казачья слава», «Степные солдаты» и, наконец, вышедший недавно в Гослитиздате сборник стихов «Ковыли».

В своей любви к Дону признаётся и сам поэт:

«У каждого из нас в стране родной
Есть край любимый... Разве позабудешь
Между курганов ковылёк степной
Под солнцем в бледноматовой полуде?
И дончаков степные косяки,
И ржанье маток у реки студёной,
Левобережья жёлтые пески
И чёрнотал, склонившийся над Доном?»

Перед читателем проходят полные очарования пейзажи и картины славной русской реки. Станица Вёшенская, где в «бордовой кофте или в кофте синей прошла чуть постаревшая Аксинья» из «Тихого Дона». Старик-табунщик, стерегущий кобылиц у «студёной заводи криниц». Чубатые молодые казаки, обучающиеся на рубке лозы военному искусству.

Поэт любит заглянуть в далёкое прошлое родного края, обнаружить связь между днём нынешним и днём минувшим— преемственность казачьих традиций. Слепок виноградной лозы на найденном археологами камне, обломок пушечного дула, ставший чугунным руслом ручья, погреба, в которых во времена Петра хранился порох, а теперь хранятся «донские вина огневые»,— всё вызывает у поэта глубокое раздумье, выливающееся в звучные стихи.

Софронов остался верен своей теме и в дни Отечественной войны. Он видит, что удаль сподвижников Ермака, Разина и Пугачёва, боевая слава соратников Дениса Давыдова и Семёна Будённого в эти дни оживают в доблести и отваге воинов Доватора, Белова, Селиванова. В такое время, когда над отчизной бушует военная гроза, ещё милее и дороже становятся

«Казачий берег, тихий Дон,
Родимые края,
Степной ковыль, сожжённый дом —
Земля, земля твоя!»

Стихи, написанные Анатолием Софроновым во время войны и вошедшие в его сборник «Ковыли»,— несомненно, лучшее из всего, что им написано по сей день.

Ал. Ионов

КНИГА О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Лев Кассиль написал задорную книгу с лирическим названием «Дорогие мои мальчишки»[1].

В своей повести автор рассказывает о небольшом приволжском городке. Славные ребята живут в нём. До войны они учились, играли, мечтали. Началась война, и они пошли в ремесленные училища, на завод, а дома их ожидали многочисленные заботы. В городе их уважали, и сами они знали себе цену. И вдруг в их городок перевели из-под Ленинграда школу юнг. На улицах, в городском парке появились молодые моряки, подтянутые, в форме, в бескозырках с ленточками. Слава ремесленников стала меркнуть. Между местными юными жителями и приезжими началось соревнование. Автор показывает, как после взаимных насмешек и совместно перенесённых испытаний соперничество перешло в тесную дружбу. И когда немцы высадили на окраине города парашютный десант, балтийцы вместе с волжанами, не щадя жизни, защищали родной берег.

Правдиво и тепло рисует автор своих маленьких героев, но ярче остальных изображён в книге «главный мальчишка» — ремесленник Капка Бутырёв. В этом образе автор уловил типические черты подлинного юного героя нашего времени. Труд

Лев Кассиль.

его тяжёл, но не тягостен. Он работает за отца, ушедшего на фронт, он работает для своей страны. Он любит свой труд, который даёт ему право чувствовать себя хозяином всюду—и за станком, и дома, и в городе. Как хозяин он стыдит лодыря из своей бригады, как хозяин говорит с сестрой. Заботливо торопится домой во время бомбардировки города, заботливо колет дрова и укладывает спать маленькую сестрёнку.

В то же время Капка—ещё совсем мальчишка. Он любит медовые колобушечки, любит играть в городки; он тоскует по отцу и мучительно краснеет, когда открывается его мальчишеская тайна. А тайна эта — ребячий орден «командосов», командором которого состоит Капка.

В поэтической сказке, заменяющей ребятам устав ордена, автор воплотил детские мечты о верности, беззаветной отваге и труде, изменяющем мир. Но в отличие от старых сказок волшебные свойства дарованы вещам не феями, а людьми — искусными и славными мастерами. Вся сказка пронизана пафосом труда.

Этот фантастический подтекст повести прекрасно гармонирует с основным, реалистическим её содержанием. Юные «командосы» совершают в своём Затонске множество доблестных ребячьих дел, и волшебная сказка ежедневно помогает им в их трудовой жизни, о которой с интересом прочитают и мальчики и девочки разных возрастов.

Е. Александровский

[1] Л. Кассиль «Дорогие мои мальчишки». Детгиз. М. и Л. 1944.

На симфоническом концерте для детей в зале имени Чайковского (Москва).

Фото А. Гаранина

450 ТЫСЯЧ КОНЦЕРТОВ НА ФРОНТЕ

Недавно в Москве закончился смотр фронтовых эстрадных бригад Всесоюзного гастрольно - концертного объединения, продолжавшийся 10 дней. На смотр приехало 10 лучших бригад—150 артистов, которые обслуживают концертами Действующую Красную Армию и Военно - Морской Флот.

Артисты советской эстрады с первых же дней войны шли вслед за Красной Армией. Они вступали в освобождённые Красной Армией города и тут же давали концерты. «Эстрадой» артистам служил грузовик на площади или в поле, землянка, блиндаж, аэродром или корабль, когда бригада артистов выезжала на флот.

В походных сумках бригадиров фронтовых эстрадных бригад помечен боевой путь, пройденный артистами от Сталинграда до Ленинграда (бригада артиста С. Акивиса), от Баренцова до Чёрного моря (бригада артиста В. Жемчужного), от Смоленска до Восточной Пруссии (бригада Е. Полосина), от Вязьмы до Сандомира (бригада М. Гаркави).

Четыреста пятьдесят тысяч концертов провели во время войны эстрадные бригады, совершив 2 тысячи выездов на фронт. Шестьсот орденов и медалей украшают грудь патриотов — советских артистов эстрады, — полученные ими за боевую работу на фронте и за оборону Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Кавказа, Украины.

Смотр советской эстрады—это рапорт артистов-фронтовиков к 27-й годовщине Красной Армии.

Среди артистов, принявших участие в смотре, выступали эстрадники старшего поколения. Например Николай Кудрявченко — Микола Глэк, который 45 лет назад начал свою сценическую жизнь. С начала августа 1941 года он непрерывно выступает как украинский сатирик на фронте и провёл более 3 тысяч концертов. Сатирик-конферансье — Михаил Гаркави, чтецы—Антон Шварц и Сергей Балашов.

Но главным образом была представлена молодёжь, пришедшая на эстраду во время войны.

На заключительном концерте смотра в московском Камерном театре, в зрительном зале присутствовали прославленные русские артисты и режиссёры, генералы и офицеры, писатели и критики. Они бурно аплодировали талантливой эстрадной молодёжи.

Особенный успех выпал на долю Ленинградского молодёжного танцовального ансамбля под руководством А. Обранта; ансамбль обслуживал концертами город Ленина в период блокады. Все его участники награждены медалями «За оборону Ленинграда».

Прекрасными вокальными данными блеснула молодая певица Александра Лукьянченко, которая на фронте провела 1500 концертов.

Столь же талантливы молодые артисты эстрады: акробаты Ольга Шитова, Валентина Малиновская и Константин Зайцев, танцоры Елена Аханова и Григорий Ротбери, Константин и Мария Изотовы, певицы Валентина Валевская и Александра Меньшенина, ленинградцы-акробаты Анна и Инна Игнатьевы, иллюзионисты Г. Пилляр и Н. Рекалло, жонглёры В. и С. Больварс и др.

Конферировал программу Михаил Гаркави. Он провёл свыше 1700 концертов на фронте, возглавив старейшую эстрадную бригаду.

Все бригады эстрадников, участвовавшие в смотре, в дни празднования 27-й годовщины Красной Армии и Военно-Морского Флота СССР показали на фронтах свои новые программы.

А. Крупнов

Литература и искусство

Слева: артист Микола Глэк; в центре: жонглёры Ван Тен-Тау; справа: певица А. Лукьянченко.

Фото С. Шингарёва

ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАЛИНГРАДА

Сталинград навсегда войдёт в историю как символ героизма советского народа. У стен этого бессмертного города была остановлена и потерпела тягчайшее поражение германская армия. Здесь был положен предел её продвижению вперёд. Великая Сталинградская битва была поворотным этапом во всём ходе войны.

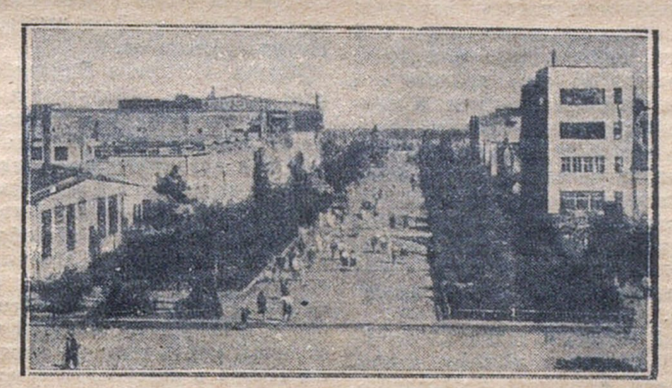
Израненным, разрушенным до основания вышел из этих страшных испытаний город-герой. Но едва отгремели последние выстрелы на берегах Волги, страна сказала: «Сталинград будет восстановлен. Он поднимется из развалин в кратчайшие сроки, он возродится к жизни ещё до тех пор, как кончится война».

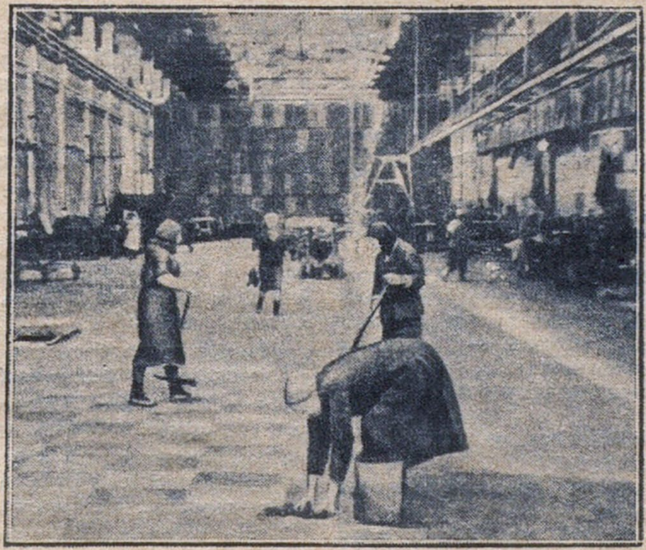
Из месяца в месяц объектив киноаппарата следил за всем, что происходило в разрушенном городе. И вот на советский экран вышел интереснейший документальный фильм «Возрождение Сталинграда» [1].

Перед нами открывается скорбная и величественная панорама города. Горы кирпича и щебня на улицах, которые трудно, почти невозможно отличить одну от другой. Скелеты обгоревших, разбитых зданий. Среди руин бойцы инженерных частей. Каждый метр этой земли начинён взрывчаткой и таит в себе смерть. За короткое время отважные советские сапёры обезвредили здесь около миллиона двухсот тысяч мин.

В город начинают возвращаться жители. Измученные, исхудалые женщины и дети. Первые дни возвращения полны тяжёлых лишений. Заботы о хлебе, о воде, о временном крове... Но люди прибывают и прибывают: тяга к насиженному, пусть даже разорённому гнезду и желание вновь его устроить, любовь к родному городу, страстное стремление возродить его — оказываются сильнее всего.

Вскоре после освобождения Сталинграда в городе возобновились школьные занятия. В классе только две стены, в школе пока ещё только одна учительница. Но занятия идут, дети учатся. Жизнь началась!

Кадры из фильма «Возрождение Сталинграда». Вверху: вид Сталинградского тракторного завода после его восстановления; внизу: уборка восстановленного цеха.

Перед зрителем проходят самые разнообразные эпизоды трудовых будней и быта воскресающего города: здесь и прибытие первой почты из далёких концов страны, и симфонический концерт в разрушенном здании театра, и начало колоссального труда по восстановлению промышленности Сталинграда.

Когда видишь разгромленные цехи Сталинградского тракторного завода, кажется, что нет такой силы, которая могла бы вдохнуть новую жизнь в этот хаос камня и металла. Но шаг за шагом развёртывается на ваших глазах изумительная борьба советского человека с хаосом разрушения, борьба, в которой сталинградцы-строители показывают себя достойными соратниками воинов-сталинградцев, и они не остаются одинокими в этой борьбе.

Пятнадцать тысяч юношей и девушек съехалось со всех концов страны в израненный город. Кадры фильма увлекательно рассказывают о повседневном подвиге этой славной молодёжи, о её неистощимой бодрости и трудовом энтузиазме.

Работают на ремонте домов и добровольные строительные бригады из местных жителей, организованные по инициативе служащей детского сада Александры Черкасовой и ставшие широко известными под названием «черкасовских бригад». На стройке они заняты в часы, свободные от основной работы.

Город оживает. Идут нормальные занятия в восстановленных школах, вновь открылся Медицинский институт. Работает телефон... Проходит ещё несколько месяцев—и двинулся большой конвейер Сталинградского тракторного завода.

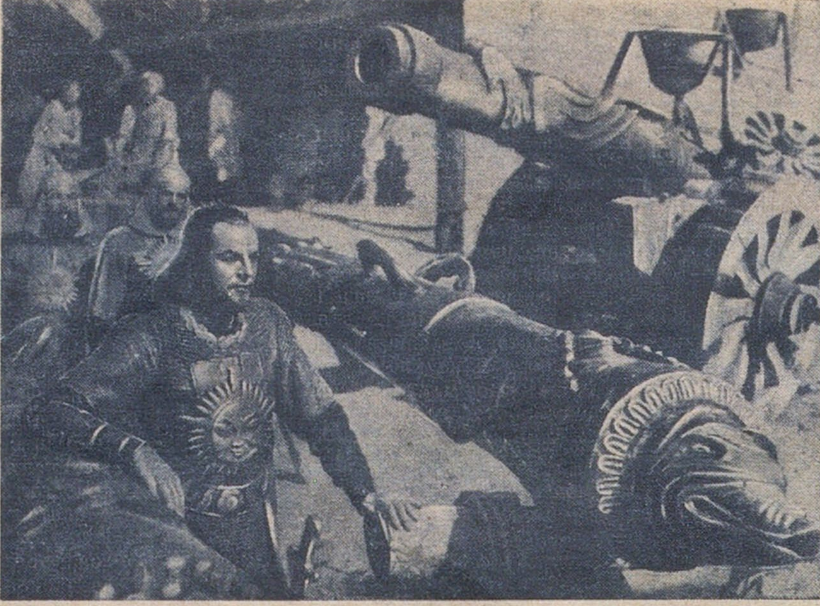
Авторы фильма И. Посельский и Б. Агапов на основе документального материала о Сталинграде создали эпическую картину трудового героизма советских людей. Это волнующая, правдивая повесть о трудностях, связанных с восстановлением исторического города; это — живое свидетельство неисчерпаемых сил советского народа, народа — воина и строителя,— который преодолевает на своём пути все преграды.

М. Львов

[1] Производство Центральной студии документальных фильмов. Авторы — лауреат Сталинской премии И. Посельский и Б. Агапов. Операторы — лауреат Сталинской премии В. Доброницкий, В. Цитрон и А. Хавчин.

«ИВАН ГРОЗНЫЙ» НА ЭКРАНЕ

Кадры из фильма «Иван Грозный». Слева: коронация Ивана; справа: Иван Грозный во время осады Казани. В роли Грозного народный артист РСФСР Николай Черкасов.

Артистка Л. Целиковская в роли царицы Анастасии.

КРУПНЕЙШИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Иван Грозный! Кого не волновала с детства эта романтическая, таинственная и порою зловещая фигура?!

Изображению Ивана Грозного посвящены многочисленные исторические повести, рассказы, драмы, известные всем ещё с детства. И фигура могучего московского царя XVI века казалась знакомой.

Однако за всем этим полного исторического значения его личности не улавливалось: он казался персонажем из мелодрамы. А между тем этот человек был реальной исторической фигурой, крупнейшим государственным деятелем, который совершил для своего века целый переворот, учредив единодержавие.

И неизменно при упоминании имени Грозного перед нами возникает образ могучего своенравного старца. А ведь первый царь всея Руси, как и все люди, имел юность, молодость, годы зрелой возмужалости, прежде чем достиг того преклонного возраста, в каком мы знаем его по живописи, романам, поэмам, пьесам.

Иван был блестящим полководцем. Ещё пламенным молодым человеком он покоряет Казань. Он совершает победоносные походы на Запад против Ливонии, пробиваясь к Балтике. Он первый завязывает крупные международные связи с западными государствами, вступает в военный союз с Англией.

Образ царя-строителя, царя-созидателя, прогрессивного и передового, всегда затмевался мрачной тенью Грозного, царя последних годов его царствования.

В нашу задачу входило воссоздать облик этого удивительного государственного мужа: нарисовать его молодость, осветить те стороны его деятельности, которые оставались в тени; объяснить, почему Иван был вынужден вести борьбу, беспощадную и безудержную, против всех тех, кто противился единству России.

Задача очень трудная, но и бесконечно увлекательная: хотелось, сохранив монументальный образ Грозного, сделать его понятным и доступным. Хотелось изобразить, как складывались жизнь и борьба московского царя, как эта борьба и жизнь влияли на характер этой необычайной и выдающейся личности.

Нужно было и по обликам и по характеру как бы «отмотать» назад сложившееся у нас представление о Грозном, вернуться к годам начала его деятельности, искать исходных моментов становления его образа и в нескольких сериях (двух или трёх) дать Грозного во всей полноте его примечательной деятельности. Конечно, кинематографу не охватить здесь всего. Но можно дать узловые точки судьбы этого человека, одержимого государственной идеей, человека, вынужденного ради этого терять друзей, во имя этого расправляться с близкими и родственниками и ради своих идеалов не щадить ни других, ни самого себя.

Обычный метод (и западный прежде всего) сводится к тому, чтобы исторический персонаж представить «в домашнем виде» — с внутрибытовой стороны, на уровне обыденных его поступков и поведения.

Мы ставили себе задачу противоположную. Нам хотелось поднять фигуру Грозного над случайно бытовыми чёрточками его характера и постараться уловить в человеке черты трагической величественности его исторической роли прежде всего. Отсюда и стиль картины, особенности поступи её темпа и ритмов, пение хоров и замечательная музыка Сергея Прокофьева, стремившихся создать единое, монументальное целое с мощной фигурой московского царя, которую с таким обаянием, убеждённостью и внутренней силой играет один из самых любимых актёров нашего народа Николай Черкасов.

Жаров, Серафима Бирман и Целиковская, Бучма и Названов и молодые актёры Кадочников и Кузнецов воссоздают образы окружающих Ивана — врагов и друзей его, соперников и соратников, предателей и близких ему.

Прекрасная работа операторов Москвина и Тиссэ делает эти образы осязаемыми для нашего зрителя, с неослабевающим интересом и любовью ищущего в прошлом нашего народа корни и предпосылки к той чудодейственной мощи, которую проявила наша страна в незабываемой победоносности её великой Красной Армии.

Легко и радостно преодолевать трудности киноработы в славные годины побед нашей страны над тупым и кровожадным фашистским зверем.

С. Эйзенштейн

Заслуженная артистка РСФСР С. Бирман в роли боярыни Ефросиньи Старицкой.

НЕ МОЖЕТ ПОБЕДИТЬ ИЗМЕНА...

В фильме «Иван Грозный» на мою актёрскую долю достались мрачный образ и трагическая судьба княгини Ефросиньи Старицкой — женщины «злокозненной» и лютой...

Жизнь её проходит в борьбе против Ивана.

Иван — собиратель великого русского государства.

Ефросинья — представительница Руси удельной.

Иван — первый московский царь. У Ефросиньи сын — князь Владимир Старицкий. Телом хил, волей слаб, «умом прискорбен».

Ефросинья — мать. Она грезит, что её незадачливое дитя когда-нибудь воссядет на престол московских царей. Она хочет реализовать мечту — заговоры, яд, нож...

«Измена лихая боярская
С государевой силой на бой идёт».

Но гибнет в бою княгиня Старицкая. Не может победить измена...

Нож, заготовленный для царя Ивана, пронзает сердце сына. А без сына нечем дышать... Нет жизни.

Таков творческий замысел мой — актёрский — и режиссёра — Сергея Михайловича Эйзенштейна. А о выполнении замысла судят зрители.

Серафима Бирман

Народный артист РСФСР Н. Черкасов в роли Ивана Грозного.

НА ОТДЫХЕ

Евг. Бермонт

Рисунок Б. Фридкина

На даче, в саду, собралась компания, приехавшая провести воскресный день.

— Давайте, товарищи, чтобы никаких профессиональных разговоров, — объявил хозяин, артист одного из московских театров. — Полный отдых! На Комитет не жаловаться, о драматургах не сплетничать, о новых пьесах не скулить.

— То есть почему это? — спросил режиссёр Иван Никанорович, седой и фатоватый мужчина.

— Потому, что когда соберутся три артиста, сейчас же вспыхивает спор об искусстве или, что ещё хуже, о собственном театре... Деcкать, чем ты был, чем ты стал и что есть у тебя в репертуаре. Надоело! Объявляю эту тему запретной.

Все шумно согласились, а сестра хозяина, инженю, чаще выходившая замуж, чем на сцену, даже захлопала в ладоши.

Круглый стол поставили в тени развесистой липы. На столе шумел самовар. Тихо звякали ложечки. Было спокойно, традиционно и скучновато, как на некоторых классических премьерах в некоторых почтенных театрах.

Солнце клонилось к западу.

— А у вас в общем миленькая дачка, — сказал некто в серых брюках, зелёном пиджаке и бежевых туфлях, судя по костюму, эстрадник.

— Да, ничего.

— Здесь очень, очень симпатично...

— Добавьте, в хорошую погоду, — перебил критик, человек без зубов и с плохим характером, — а когда дождь, тут, вероятно, так же тоскливо, как на...

И он назвал одну из постановок популярного театра.

Хозяин запротестовал:

— Мы же условились, Валерьян Валерьянович, чтобы никаких профессиональных разговоров.

— Простите, — спохватился критик и развёл руками. — Действительно, свинство! Тут, можно сказать, лоно природы, озон, чудо как хорошо, а я лезу со своими критическими мыслишками.

И, глубоко вдохнув в себя воздух, он закричал:

— Любуйтесь природой, товарищи! Смотрите, небо-то какое! А-а-а!.. Облака просто чудесные! А солнце! Не правда ли, Иван Никанорович?

Режиссёр Иван Никанорович неохотно посмотрел на небо, но охотно он смотрел только свои собственные постановки, и затем холодно процедил:

— Да, облака действительно удались. И горизонт оформлен неплохо... Только я бы не делал солнце таким багровым. Это безвкусно! Надо же иметь чувство меры. И потом эта речка справа... Зачем она здесь? Она же не помогает раскрытию данной темы. Так, формализм какой-то.

— По-вашему, Рындин сделал бы это лучше?

— Безусловно! А вы с этим не согласны?

— Видите ли, — сказал критик тем многозначительным тоном, которым он всегда говорил с режиссёрами. — Если задачей театрального художника считать не развитие идей и мыслей, заложенных в драматургическом произведении, а...

— Позвольте... — перебил его режиссёр.

— Нет, уж вы позвольте, — в свою очередь перебил критик.

— Дайте мне только сказать...

— Так как я заранее знаю, что вы хотите сказать, то я вам сразу и отвечу...

— Пожалуйста! — крикнула инженю, швыряя тридцатирублёвку.

Но тут хозяин буквально взмолился:

— Валерьян Валерьянович! Иван Никанорович! Мы же договорились... Неужели нельзя найти другую тему? Наконец, я не прошу, а просто требую! Отдых, так отдых...

Тогда вмешалась сестра-инженю, резавшая колбасу:

— Не волнуйся, Миша, сейчас Жоржик, — она кивнула в сторону эстрадника, — расскажет нам о своей поездке на фронт. Вы ведь, кажется, недавно вернулись, Жоржик?

Тот даже порозовел от удовольствия:

— Да, совсем недавно... Два месяца провёл в действующих частях 2-го Украинского фронта. Много видел, много пережил, многое узнал.

Жоржик одёрнул зелёный пиджак, закинул ногу на ногу, причём в бежевой туфле блеснул фиолетовый носок, и начал:

— Выехали мы ещё весной. В нашей бригаде было девять человек. Бригадир — Анна Васильевна Звездина... Вы её, конечно, знаете? Голоса она лишилась лет двадцать назад, но зато какие претензии! Всё вспоминает, как она в прошлом году пела «Снегурочку» где-то в провинции.

Рассказчик хитро подмигнул критику:

— Представляете себе «Снегурочку» размерами чуть поменьше двухэтажного троллейбуса? И эта снежная баба по ходу действия должна таять! Во-первых, раньше чем к утру она никогда не растает, а, во-вторых, тем, кто в ложах, ещё ничего, но ведь партер зальёт...

На этот раз рассердился уже Иван Никанорович:

— Послушайте, молодой человек, вас же просили рассказать про фронт, а не про вашу эту Звездину.

— Действительно, Жоржик, что вы за чушь порете? — сказала сестра хозяина, тревожно взглянув на брата. — Расскажите о той части, где вы были, о людях, которых встречали, о боевых эпизодах...

Эстрадник сконфузился:

— Пожалуйста! Это же я только для начала. А о самой поездке я сейчас расскажу.

И уже без прежней экспрессии он начал:

— Значит, раньше всего поехали мы в гвардейскую танковую часть, отведённую на кратковременный отдых. Бригадиром, как я уже говорил, у нас была Анна Васильевна Звездина... Как только приехали мы в деревню, тут она и развернулась...

— Кто развернулась? — полюбопытствовал критик. — Танковая часть, деревня или Анна Васильевна?

— Танковая часть. А Анна Васильевна развернулась позже. Ни за что не хотела устроить дневной концерт. Первое, мол, выступление должно быть вечером... Между нами говоря, она рассчитывала, что вечером не так будут видны её морщины... А вечером стали их бомбить...

— Стали бомбить морщины? — удивился критик, высоко поднимая клочковатые брови.

— Не морщины, а танкистов, — поправился рассказчик, окончательно потерявший вкус к своим фронтовым впечатлениям. — Пришлось отменить концерт... А утром, прежде чем она успела выступить, они выступили...

Последнее нужно было понимать так, что танкисты (они) выступили прежде, чем успела выступить Анна Васильевна Звездина (она).

Тогда критик встал, сделал несколько шагов по хрустящему гравию дорожки и, вернувшись к столу, предложил:

— Михаил Владимирович! Давай установим штраф. Каждый, кто опять свернёт разговор на театральные темы, платит тридцать рублей.

— Отлично! — обрадовался хозяин. — Вы не возражаете, Жоржик? А вы, Иван Никанорович?

Иван Никанорович утвердительно кивнул головой, но про себя твёрдо решил молчать до самого вечера: он был скуповат.

Некоторое время слышались только звон посуды и шумное прихлёбывание хозяина, пившего чай из блюдечка.

— Тихий ангел пролетел, — засмеялась инженю.

— Или дурак родился, — ляпнул эстрадник и, несколько смутившись, добавил: — Есть такая поговорка, Ирина Владимировна.

Критик вздохнул:

— Помните, Миша, пьесу Фульда «Дурак»? Вот это драматургия! Не чета всем нынешним бессюжетным пьесишкам.

Хозяин сразу загорелся:

— Как мне не помнить?! Что ты! Это ж моя коронная роль! Боже, боже, каким я успехом пользовался! Какой фурор! Городовые плакали. В Рыбинске, например, студенты выпрягли лошадей из моего экипажа и сами повезли в гостиницу... Эх, не та теперь публика, Валя! Не та...

— Ты ж теперь в троллейбусе домой ездишь. Что ж из троллейбуса выпрягать можно? Кондукторшу, что ли?

— Нет, ты пойми, Валерьян, фурор-то какой! Студенты лошадей выпря...

— Штраф! Штраф! — закричала сестра хозяина и протянула тарелочку: — Оба, оба платите! Сами предложили штрафовать и сами первые разболтались.

Хозяин и критик нехотя полезли в кошельки, а довольная инженю сказала:

— Как тебе не стыдно, Миша? Ну, Валерьян Валерьянович всё время на профессиональные темы сползает, но ты же первый против этого восстал. Мужчины! Воли у вас нет... Берите пример с меня, с женщины, с актрисы.

— С очаровательной женщины и с такой же актрисы, — галантно расшаркался Жоржик. — Кстати, вам очень идёт это платье, Ирина Владимировна.

— Серьёзно? Вам нравится?

— Да.

— А я ведь его сама шила, — мило улыбнулась инженю. — Да, да, да! Для всех своих ролей я обычно сама шью все платья...

— Ну по этой части вы, кажется, не очень перегружены, — ехидно заметил критик.

Ирина Владимировна вспыхнула:

— Совершенно верно... У нас в театре имеется Тюльпанова, — она покосилась на режиссёра. — Вероятно, если начнут ставить «Ивана Грозного», то Тюльпановой дадут роли всех семерых жён царя сразу... Не правда ли, Иван Никанорович?

— Платите штраф, — злорадно сказал режиссёр, подвигая тарелочку с деньгами.

— Пожалуйста! — крикнула инженю, швыряя тридцатирублёвку. — Я с удовольствием заплачу ещё три штрафа, чтобы только сказать то, что я думаю о режиссёре, который все лучшие роли отдаёт своей жене!

И, сердито фыркнув, она вышла из-за стола.

Разговор сразу выдохся, как велосипедная шина, которую прокололи гвоздём.

Хозяин, критик, режиссёр и эстрадник молча смотрели на тарелочку с тридцатирублёвками и не решались раскрыть рта.

СПОРТИВНЫЕ ВСТРЕЧИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Представители 42 спортивных обществ прибыли специальным поездом в Ленинград на открытие зимней спартакиады профсоюзов. В программе спартакиады были соревнования по лыжам, конькам, хоккею, прыжкам на лыжах, по двоеборью. Первенство оспаривали свыше тысячи физкультурников. Соревнования начались с лыжных эстафет для мужчин и для женщин. Одновременно на стадионе «Динамо» стартовали конькобежцы. Наступившая оттепель помешала участникам спартакиады добиться отличных результатов. Но всё же соревнования по двоеборью, состоявшиеся в Кавголове (под Ленинградом), прошли с большим подъёмом.

На снимке слева: соревнования по прыжкам с трамплина в Кавголове.
На снимке справа: хоккейная встреча на кубок ВЦСПС. Играют команды Московского общества «Крылья Советов» и Ленинградского общества «Кировский завод».

Фото Н. Волкова

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что Некрасов с детства был метким стрелком и охотником? До старости он ходил на медведей, а за волками, лисами, тетеревами и зайцами охотился из года в год всю свою жизнь.

...что первая книжка стихов Некрасова под названием «Мечты и звуки» вышла в 1840 году?

...что в 1844—1845 годах Некрасов печатал статьи и стихи под псевдонимами: Пружинин, Бухалов, Иван Бородавкин, Афанасий Пахоменко, Стукотнин, Назар Вымочкин, Ник-Нек и т. д.?

...что в 1843 году вышла первая изданная Некрасовым книжка под заглавием «Статейки в стихах без картинок», имевшая большой успех и вскоре появившаяся вторым изданием? Затем он издал книги о дедушке Крылове, сборник «Физиология Петербурга», «Петербургский сборник» и т. д.

...что первым произведением Некрасова, за которое Грановский, Белинский, Герцен приветствовали автора, было стихотворение «В дороге», написанное в 1845 году?

...что в «Петербургском сборнике», изданном Некрасовым в 1846 году, был помещён первый роман Достоевского «Бедные люди»?

...что Некрасов написал для своего журнала в сотрудничестве с Авдотьей Панаевой романы «Три страны света» и «Мёртвое озеро»?

...что Некрасову, для того чтобы составить одну книжку журнала «Современник», приходилось читать около 12 тысяч страниц разных рукописей, держать до 60 печатных листов корректуры (из которых половина запрещалась цензурой), писать до полсотни писем цензорам, сотрудникам и книгопродавцам?

...что Некрасов стоял во главе журнала «Современник» около двадцати лет?

...что в поэме «Дедушка» (1870 год) описан декабрист С. Г. Волконский, который после смерти Николая I вернулся в Москву?

По родной земле

СЕМЕРО БОГАТЫРЕЙ

У верховьев реки Печоры, на одном из хребтов Северного Урала, неподвижно стоят «семеро воинов-богатырей». Их видно на расстоянии 20—25 километров. Только приближаясь к ним, можно различить, что эти могучие богатыри каменные, до того поразительно их сходство с живыми людьми. Их «ноги» и «туловища» — огромные серые камни, сложенные в причудливые высокие скалы. Вокруг этих скал, известных под именем Саранских (Зырянских) богатырей, сложилось немало легенд и сказаний.

Когда-то, в давние времена, семеро саранских богатырей двинулись на могучее племя вогулов. А на горе Ялпинг-Нер (священная гора) жил колдун. Он запретил богатырям идти дальше. Когда же они не послушались, он бросил свой барабан — и богатыри сразу окаменели. Так они и стоят с тех пор...

ЧОРТОВ МОСТ

По Уфимскому шоссе, в 55 километрах от Стерлитамака (Башкирия), находится живописнейшая местность Чортов, или Каменный, мост. В узком и тесном ущелье с высокой, очень крутой горы, среди хаоса других гор, поросших густым лиственным лесом, протянулась проезжая дорога. Она так узка, что по ней едва может проехать автомобиль. По правую сторону дороги вздымаются одна за другой высокие каменные стены, а в них, на высоте птичьего полёта, виднеются круглые и квадратные чёрные отверстия пещер.

По левую сторону дороги, почти рядом с ней, вьётся пересохшее каменистое русло речки Сиказы. За ней высится Чортов, или Каменный, мост, весь сложенный из плоских камней. Предание гласит, что сложили его по приказанию одного татарского хана. Перестали ездить по этому мосту несколько лет назад. Суеверные люди рассказывают про это место всевозможные небылицы и избегают в ночное время проезжать мимо Чортова моста.

СМЕСЬ

ДЕЛО О «ТИТУЛЯРНОМ СОВЕТНИКЕ ПУШКИНЕ»

В Оренбургском областном архиве обнаружено дело «Об учреждении тайного надзора за временно прибывшим в Оренбург поэтом, титулярным советником Пушкиным».

Как известно, осенью 1833 года, в поисках материалов о Пугачёве, А. С. Пушкин совершил поездку в Казань, Симбирск, Уральск и Оренбург.

В Оренбургской губернии Пушкин разговаривал со стариком Дмитрием Пьяновым, сыном того Пьянова, о котором упоминается в «Истории Пугачёвского бунта». В деревне Берды, в десяти верстах от Оренбурга, где Пугачёв простоял шесть месяцев, поэт встретил старую казачку, хорошо помнившую события того времени.

В самом Оренбурге А. С. Пушкин пробыл всего лишь три дня. Жил он в квартире одного из местных сановников, но всё же, по приказу шефа жандармов, начальника III отделения графа Бенкендорфа, за ним был установлен тайный надзор.

Ответственный редактор М. ДОБРЫНИН. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А5468. 2½ печ. л. Подписано к печати 13/III—45 г. Изд. № 193. Тираж 100 000. Заказ № 564

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 8

Играна в финале
Московского шахматного
чемпионата 1944 года

Защита Грюнфельда

Загорянский (белые)	Флор (чёрные)
1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	g7—g6
3. g2—g3	d7—d5
4. c4 : d5	Kf6 : d5
5. Cf1—g2	Cf8—g7
6. Фd1—b3	Kd5—b6
7. e2—e3	Cc8—e6
8. Фb3—c2	Ce6—d5
9. Kg1—f3	Cd5—c4

Белым нелегко будет теперь осуществить короткую рокировку: уютно расположенный на а6 чёрный слон доставит им много хлопот.

10. Kb1—a3	Cc4—a6
11. b2—b4	c7—c6
12. Фc2—b3	0—0
13. Cc1—d2	Kb8—d7
14. b4—b5	c6 : b5
15. Ka3 : b5	e7 — e5
16. 0—0	e5—e4
17. Kf3—h4	Cg7—f6
18. Cg2 : e4	Cf6 : h4
19. g3 : h4	Фd8 : h4
20. Ce4—g2	Kd7—f6
21. a2—a4	Лa8—d8
22. Лa1—c1	Лd8—d5

План чёрных заключается в переброске этой ладьи для атаки королевского фланга. План этот, однако, недостаточно продуман чёрными, хотя бы по одному тому, что белые могли просто взять эту ладью и затем попытаться отбить атаку, например 23. С : e4, Kg4; 24. Kpg2! Ф : h2+, 25. Kpf3, Фh5; 26. e4! и т. д. Если сразу 23. ... Kb : d5, то 24. f3 и не видно, что имеют чёрные за пожертвованное качество.

23. h2—h3	Лd5—h5
24. f2—f4!	Kb6 : a4?

Чёрные не замечают опасности, грозящей их ферзю. Необходимо было 24. ...Kf—d7, освобождая дорогу для отступления ферзя.

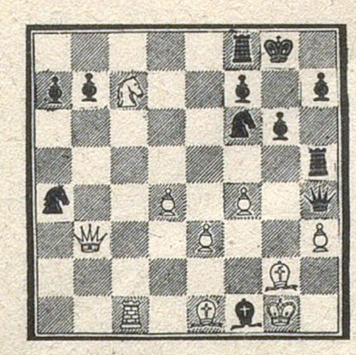
25. Kb5—c7!

Сразу 25. Ce1 не проходит из-за Л : b5. Теперь же под ударом находится чёрный конь на а4 и в то же время грозит Ce1.

25. . . .	Ca6 : f1

Другого у чёрных ничего нет.

26. Cd2—e1!	. . .

Чёрные не могут избежать материальных потерь.

26. . . .	Фh4 : e1
27. Лc1 : e1	Cf1 : g2
28. Kpg1 : g2	Ka4—b6
29. e3—e4	. . .

Заключительную стадию партии белые проводят очень энергично, не давая чёрным никаких шансов.

29. . . .	Лh5—a5
30. Kc7—b5	Kb6—c8
31. e4—e5	Kf6—h5
32. Kpg2—f3	Kc8—e7
33. Kb5—d6	Ke7—c6
34. Лe1—d1	b7—b6
35. d4—d5	Kc6—e7
36. Kd6—b7	Лa5—a6
37. d5—d6	Ke7—c6
38. d6—d7	Kc6—d8
39. Kb7 : d8	Лf8 : d8

40. e5—e6. Чёрные сдались.

Остроумно проведённая мастером Загорянским партия.

ШАШКИ

Под редакцией мастера
Г. Торчинского

Играна в Москве
в 1944 году

А. Алексеев (белые)	М. Малюхин (чёрные)
1. c3 — d4	d6 — e5
2. b2 — c3	e7 — d6
3. g3 — h4	f8 — e7

Лучшее продолжение, вынуждающее белых вести игру на их левом фланге.

4. a1 — b2	. . .

На 4. f2 — g3 последовало бы e5 — f4; 5. g3 : e5 d6 : f4; 6. e3 : g5 h6 : f4, и у чёрных инициативная и свободная игра.

4. . . .	b6 — a5.

Сильнейшее продолжение. Здесь играют также 4. . . . b6 — c5; 5. d4 : b6 a7 : c5; после чего белые вынуждены отвечать 6. e3 — d4, или

4. . . .	d6 — c5
5. a3 — b4	. . .

Единственный ход, так как грозит a5 — b4 с проходом в дамки.

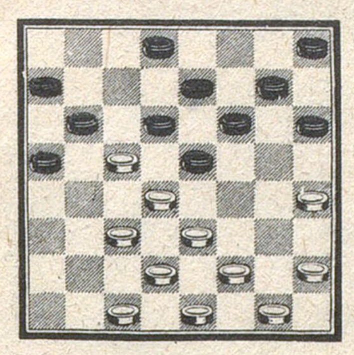
5. . . .	c7 — b6
6. b4—c5 (!)	. . .

Белые избегают шаблона, связанного с 6. b2 — a3, и временной жертвой шашки создают интересную игру.

6. . . .	d6 : b4
7. b2 — a3	b8 — c7

Чёрные не могут сохранить лишнюю шашку, так как на 7. . . . b6 — c5; 8. d4 : b6 a7 : c5 последует 9. e3 — d4 с лёгким выигрышем. Можно было также выиграть 7. . . .e5 — f4 или 7. . . . b6 — c5; 8. d4 : b6 a5 : c7 и т. д.

8. a3 : c5	c7 — d6 ?

Увлечённые атакой, чёрные не замечают тонкой ловушки. Следовало играть

8. . . .	e5 — f4
9. f2 — g3 !!	d6 : b4
10. e3 — f4!	e7 — d6

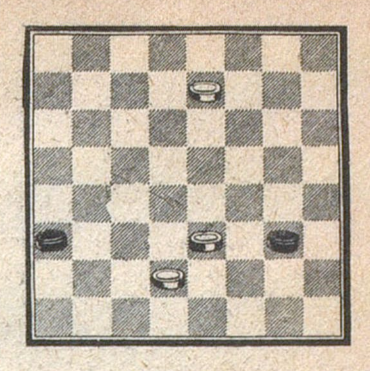
Другого ничего нет.

11. f4 — g5 !	h6 : f4
12. d4 — c5 !	b6 : b2

13. c1 : e3 и, оставаясь с лишней шашкой, белые легко выиграли.

ЭФФЕКТНОЕ ОКОНЧАНИЕ

В партии, игранной погибшим на фронте Отечественной войны чемпионом СССР В. Соковым с В. Байковым в одном из ленинградских турниров встретилась такая позиция: на первый взгляд выигрыш белых представляется невероятным, однако В. Соков со свойственным ему блеском тонкими этюдными ходами принудил противника сложить оружие.

Последовало:

1. e7 — f8 !	g3 — h2

Если 1. . . . a3 — b2, то 2. e3 — f4 g3 : e5; 3. d2 — c3 b2 : d4; 4. f8 — g7! выигрывают.

2. f8 — c5 !!	. . .

В этом ходе заключена идея выигрыша. Чёрные простые получают возможность пройти в дамки, но искусно расставленные сети приводят их к гибели:

2. . . .	a3 — b2

На 2. . . . h2 — g1 последовало бы 3. c5 — a7 с выигрышем.

3. e3 — d4 !	b2 — a1

Немедленно проигрывало 3. . . . h2 — g1 или 3. . . . b2 — c1 из-за 4. c5 — a7

4. d2 — c3	h2 — g1

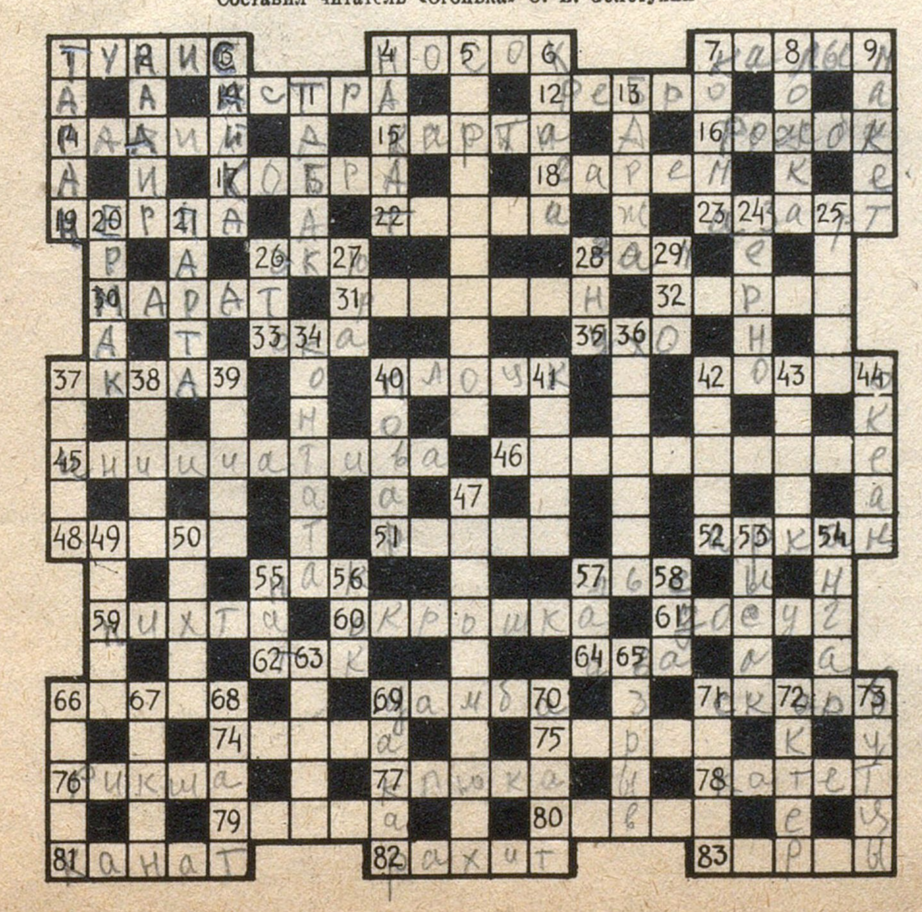
Чёрные простые прошли в дамки, но ...

5. c5 — a7	g1 : b6 (c5)

6. a7 : d4 и выигрывают.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» О. В. Золотухин

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Город и порт в Северной Африке. 4. Короткий чулок. 7. Выкуп. 10. Цветок. 12. Часть грудной клетки. 14. Химический элемент. 15. Схематическое изображение местности. 16. Духовой инструмент. 17. Ядовитая змея. 18. Женская половина дома у мусульман. 19. Морское животное. 22. Остров. 23. Задор. 26. Французская монета. 28. Шум. 30. Вождь французской революции. 31. Древнее название реки в Италии. 32. Город в США. 33. Приток Волги. 35. Орган слуха. 37. Оборудование кинозала. 40. Предместье Варшавы. 42. Город в Литовской ССР. 45. Предприимчивость. 46. Физическое явление. 48. Город на черноморском побережье. 51. Доход. 52. Верёвка с петлёй. 55. Цветок. 57. Мера длины. 59. Лиственное дерево. 60. Кушанье. 61. Свободное время. 62. Удобрение. 64. Цифра. 66. Мужское имя. 69. Плотина. 71. Пожитки. 74. Хищный зверёк. 75. Остров. 76. Японский извозчик. 77. Трость с прямым загибом. 78. Сторона треугольника. 79. Хвойное дерево. 80. Животное. 81. Толстая верёвка. 82. Болезненное явление. 83. Войсковое подразделение.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Орудие древних воинов. 2. Персонаж оперы «Искатели жемчуга». 3. Хлебное изделие. 4. Настил. 5. Заёмное обязательство. 6. Голенища. 7. Часть судна. 8. Предмет домашнего обихода. 9. Модель. 11. Растение. 13. Грузовое судно. 20. Покоритель Сибири. 21. Школьная мебель. 24. Злак. 25. Французский историк и мыслитель. 26. Местоимение. 27. Горы в Восточной Франции. 28. Животное. 29. Высшее учебное заведение. 34. Форма музыкального произведения. 36. Насекомое. 37. Имя польской писательницы. 38. Женское имя. 39. Персонаж из «Руслана и Людмилы». 40. Кулинар. 41. Растение. 42. Орудие для земляных работ. 43. Предмет домашнего обихода. 44. Большое водное пространство. 47. Государственное учреждение. 49. Прикрытие. 50. Часть ступни. 53. Конь. 54. Помещение для самолётов. 55. Шахматный термин. 56. Корабельный повар. 57. Порядок, согласие. 58. Пища. 63. Острая приправа. 65. Разряд большого давления газов. 66. Юноша. 67. Птица. 68. Слой. 69. Французский военный порт в Африке. 70. Рыба. 71. Шерстяная ткань. 72. Деятель сцены. 73. Спортивный инвентарь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 8 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Атом. 7. Рота. 10. Руставели. 12. Али. 13. Сыр. 14. Кокаин. 18. Башмак. 21. Стол. 23. Винт. 25. Измир. 26. Рупор. 27. Тайм. 28. Дот. 30. Айва. 31. Пони. 33. Балл. 34. Ася. 35. Литке. 36. Иго. 37. Коми. 39. Краб. 42. Лото. 43. Ява. 45. Овца. 46. Титул. 47. Радом. 48. Утро. 50. Баян. 53. Европа. 56. Ананас. 59. Тон. 61. Тир. 62. Лермонтов. 63. Мать. 64. Арак.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Трико. 3. Мрак. 4. Ясли. 5. Чад. 6. Вена. 7. Ритм. 8. Тиски. 9. Марс. 11. Крит. 15. Олимп. 16. Амман. 17. Норд. 18. Борт. 19. Шапка. 20. Аврал. 22. Транспорт. 24. Навигация. 29. Остов. 32. Или. 33. Бек. 37. Котов. 38. Метро. 40. Раджа. 41. Бомба. 43. Ялта. 44. Арфа. 48. Уатт. 49. Рента. 51. Астра. 52. Нара. 54. Руль. 55. Перу. 57. Нота. 58. Нева. 60. Сом.

Цена 3 руб.

СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ

Монтаж А. Житомирского.

П.Я.245

Крымские решения в действии.